

**ВСПОМНИТЬ
С
Е**

**МОЯ НЕВЕРОЯТНО
ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ**

Арнольд Шварценеггер

**Вспомнить все: Моя
невероятно правдивая история**

«ЭКСМО»

2013

Шварценеггер А.

Вспомнить все: Моя невероятно правдивая история /
А. Шварценеггер — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-62657-1

История его жизни уникальна. Он родился в голодные годы в маленьком австрийском городке, в семье полицейского, не имея особых перспектив на будущее. А в возрасте двадцати одного года он уже жил в Лос-Анджелесе и носил титул «Мистер Вселенная». За пять лет он выучил английский язык и завоевал статус величайшего бодибилдера мира. За десять лет он получил университетское образование и стал миллионером как бизнесмен и спортсмен. За двадцать лет он вошел в число кинозвезд первой величины и породнился с семьей Кеннеди. А через тридцать шесть лет после приезда в Америку он занял пост губернатора Калифорнии... Этот человек – легендарный Арнольд Шварценеггер. И в этой книге он вспомнит действительно все...

ISBN 978-5-699-62657-1

© Шварценеггер А., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Арнольд Шварценеггер Вспомнить все: Моя невероятно правдивая история

Посвящается моей семье

Америка оказалась такой же большой, какой я всегда представлял ее в мечтах, в детстве, проведенном в сельской Австрии. Поэтому мне не пришлось притворяться, изображая восторг и счастье, когда я играл сцену, в которой мой герой Гераклес попадает на площадь Таймс-сквер, в своем первом фильме «Гераклес в Нью-Йорке», вышедшем на экраны в 1969 году.

Глава 1

Родом из Австрии

Я родился в год большого голода. Это был 1947-й, когда Австрия была оккупирована союзными войсками, разгромившими гитлеровский Третий рейх. В мае, за два месяца до моего рождения, в Вене прошли голодные бунты, и в Штирии, земле на юго-востоке страны, где мы жили, также ощущалась острая нехватка продовольствия. Даже через много лет, когда мать хотела напомнить мне, на какие жертвы им с отцом пришлось пойти, чтобы меня вырастить, она рассказывала, как ходила по округе, стучась в двери ферм, чтобы попросить немного сливочного масла, сахара и муки. Порой ее по несколько дней не бывало дома. Это называлось *hamstern* – «хомячить»: так собирает зернышки и корешки хомяк. Широко было распространено попрошайничество.

Таль – так называлась наша ничем не примечательная деревушка. Все ее население состояло из нескольких сотен человек, дома и фермы были разбросаны маленькими хуторками, соединенными между собой грунтовыми дорогами и тропами. Главная немощеная улица петляла пару километров, взбегая вверх и опускаясь вниз по склонам невысоких альпийских предгорий, покрытых полями и сосновыми рощами.

Наша деревня находилась в британской зоне оккупации, но английских войск мы почти не видели – лишь изредка проезжал грузовик с солдатами в кузове. Но восточнее начиналась русская зона, и мы очень боялись красных. Началась «холодная война», и мы жили в постоянном страхе, ожидая, что вот-вот накатится неуправляемый вал русских танков и нас поглотит советская империя. Священники в церквях пугали прихожан жуткими рассказами про то, как русские расстреливают грудных детей прямо на руках их матерей.

Наш дом стоял на пригорке у дороги, и в детстве я редко видел в день больше одной-двух машин, проезжающих мимо. Прямо напротив, всего в сотне ярдов от наших дверей, возвышались развалины замка, возведенного еще в феодальные времена.

На следующем пригорке стояли мэрия, католический костел, куда по воскресеньям водила всех нас на мессу мать, небольшая *Gasthaus*, или таверна, бывшая своеобразным общественным центром деревни, и начальная школа, куда ходили я и мой брат Мейнхард, на год старше меня.

Самые первые мои детские воспоминания – мать стирает, а отец кидает лопатой уголь. Мне тогда было года три, не больше, но образ отца особенно четко запечатлелся у меня в памяти. Это был крупный мужчина атлетического телосложения, и он многое делал своими руками. Каждую осень мы получали запас угля на зиму, грузовик сваливал кучу перед домом, и в таких случаях отец разрешал нам с Мейнхардом помогать ему переносить уголь в подвал. Мы всегда очень гордились этим.

Мои отец и мать происходили из рабочих семей с севера – занятых в основном в сталелитейной промышленности. Во время хаоса, наступившего после окончания Второй мировой войны, они познакомились в маленьком городке Мюрцхулаг, где мать, Аурелия Ядрни, работала в центре распределения продовольствия при городской ратуше. Ей тогда только исполнилось двадцать лет, ее муж погиб на фронте всего через восемь месяцев после того, как они поженились. Однажды, работая за столом, мать заметила отца, идущего по улице, – он был гораздо старше ее, ему было уже под сорок, но он был статный и красивый, в ладном мундире жандарма, сельского полицейского. Мать была без ума от мужчин в форме, поэтому с того самого дня она стала смотреть на улицу, ожидая снова увидеть отца. Она рассчитывала, когда будет его смена, чтобы сидеть за столом одной. Как-то раз они разговорились через открытое окно. Потом мать стала угощать отца тем, что у нее было из съестного.

Его звали Густав Шварценеггер. Они с матерью поженились в конце 1945 года. Отцу тогда было тридцать восемь лет, а матери – двадцать три. Отец получил назначение в деревню Таль, он был поставлен во главе отряда из четырех человек, которому предстояло поддерживать порядок в деревне и ее окрестностях. Жалованья едва хватало на жизнь, однако работа также дала жилье – в *Foresthaus*, доме лесника. Сам *Forestmeister*, лесник, жил на первом этаже, а *Inspektor* с семьей разместился наверху.

Дом, в котором прошло мое детство, был очень простой, сложенный из кирпича и камня, но в то же время удобный, с толстыми стенами и маленькими окошками, чтобы защититься от холода альпийских зим. У нас было две спальни, которые обогревались печками, топившимися углем, и кухня, где мы ели, делали уроки, мылись и играли. Тепло в этом помещении давала кухонная печь.

Не было ни водопровода, ни душа, ни канализации; вместо туалета мы пользовались ночными горшками. До ближайшего колодца было почти четверть мили, и ходить к нему приходилось даже в проливной дождь и в снегопад. Поэтому мы старались расходовать воду как можно бережнее. Воду нагревали и наливали в корыто; первой мылась мать, в чистой воде, следующим мылся отец, потом Мейнхард, а последним – я. Мы усиленно терлись мочалками, и не важно, что вода была уже не совсем чистой, – никому не хотелось лишний раз ходить к колодцу.

У нас была деревянная мебель, только самое необходимое, и несколько электрических лампочек. Отец любил живопись и антиквариат, однако пока мы с братом еще были маленькими, это оставалось непозволительной роскошью. Наш дом оживляли кошки и музыка. Мать играла на цитре и пела нам колыбельные, однако настоящим музыкантом был отец. Он играл на всех духовых инструментах: трубе, флюгельхорне, саксофоне, кларнете. Отец также сам сочинял музыку и был дирижером оркестра местной жандармерии, – если где-нибудь в стране умирал сотрудник полиции, оркестр играл на похоронах. Летом по воскресеньям мы частенько отправлялись в парк, где отец дирижировал, а иногда играл сам. Большинство родственников с отцовской стороны также обладали музыкальными способностями, однако нам с Мейнхардом эти таланты не передались.

Не могу точно сказать, почему мы держали не собак, а кошек – быть может, потому, что мать их очень любила, и они нам ничего не стоили, так как сами добывали себе пропитание. Но у нас всегда было много кошек, которые постоянно носились туда и сюда, лежали повсюду, свернувшись клубком, и приносили с чердака полудохлых мышей, показывая, какие они замечательные охотники. У каждого в семье была своя кошка, которая по ночам забиралась к нему в постель, – это была наша традиция. В какой-то момент у нас жило сразу семь мурлык. Мы любили кошек, но не очень ухаживали за ними, потому что не могли себе позволить обращаться к ветеринару. Если какая-то кошка уже не могла ходить из-за болезни или из-за старости, нужно было ожидать выстрел во дворе, из служебного пистолета отца. Мать, Мейнхард и я вырывали могилу и ставили на ней маленький крест.

У матери была любимая черная кошка по кличке Муки. Мать не переставала повторять, что Муки – единственная и неповторимая в своем роде, но мы не могли понять, почему она так говорит. Однажды, когда мне было лет десять, я ругался с матерью, отказываясь делать домашнее задание к школе. Муки находилась поблизости, как обычно, лежала на диване, свернувшись клубком. Наверное, я сказал что-то грубое, потому что мать шагнула ко мне, намереваясь отвесить затрещину. Увидев это, я вскинул руку, желая защититься, но вместо этого случайно ударил мать по лицу. Муки мгновенно прыгнула с дивана, бросилась между нами и вцепилась мне когтями в лицо. Оторвав ее от себя, я закричал: «Ой! Что это такое?» Мы с мамой переглянулись и расхохотались, несмотря на то что у меня по щеке текла кровь. Наконец мать получила доказательства того, что Муки единственная и неповторимая.

После военного лихолетья родители мечтали о мире и стабильности. Мать была крупной женщиной крепкого телосложения, физически сильная и выносливая, и при этом она была

прирожденная домохозяйка – в доме у нас всегда царила идеальная чистота. Мать закатывала половики, опускалась на четвереньки, брала щетку и мыло и оттирала половые доски, после чего вытирала их насухо тряпками. Она буквально фанатично требовала от нас аккуратно развешивать верхнюю одежду и тщательно складывать постельное белье и полотенца, наглаживая острые, как бритва, складки. За домом мать сажала свеклу, картошку и клубнику, чтобы кормить семью, а осенью заготавливала на зиму соленья и квашеную капусту в больших стеклянных банках. Когда отец в половине первого приходил домой из полицейского участка, у матери уже обязательно был готов для него обед, и точно так же вечером его ждал ужин, когда он возвращался ровно в шесть часов.

Финансами также занималась мать. Поработав в конторе, она была очень собранной; кроме того, писала без ошибок и хорошо считала. Каждый месяц, когда отец приносил домой жалованье, мать оставляла ему пятьсот шиллингов на карманные расходы, а остальное забирала на хозяйство. Она отвечала на все письма и оплачивала счета. Раз в год, в декабре, мать отправлялась с нами по магазинам покупать одежду. Мы доезжали на автобусе до универсального магазина «Кастнер и Олер» в Граце, расположенном сразу за перевалом. Это старое здание было двух- или трехэтажным, но в нашем представлении оно было огромным, как торговый центр «Америка». В нем были эскалаторы и даже лифт из стекла и стали, и мы катались в нем, глаза по сторонам. Мама покупала нам только самое необходимое – рубашки, нижнее белье, носки и тому подобное, и все это доставлялось на следующий день к нам домой в аккуратных бумажных свертках. В ту пору торговля в рассрочку только набирала силу, и матери очень нравилось выплачивать каждый месяц лишь часть общей суммы. Дать простым людям, таким как моя мать, возможность свободно совершать покупки, – это явилось хорошим стимулом развития экономики.

Мать также взяла на себя и все вопросы со здоровьем, хотя именно отец был обучен действиям в чрезвычайных ситуациях. Мы с братом переболели всеми мыслимыми детскими болезнями, в том числе свинкой, скарлатиной и корью, поэтому мать набралась большого опыта во врачевании. Ее не могли остановить никакие преграды: однажды зимой, когда мы с братом были еще малышами, Мейнхард подхватил воспаление легких, и рядом не оказалось ни врача, ни «Скорой помощи». В разгар ночи, оставив нас с отцом дома, мать взвалила Мейнхарда на спину и прошла с ним пешком по заснеженной дороге больше двух миль до больницы в Граце.

Отец являлся гораздо более сложной личностью. Он бывал щедрым и ласковым, особенно с матерью. Они страстно любили друг друга. Это чувствовалось по тому, как мать по утрам приносила отцу кофе, а он постоянно преподносил ей разные маленькие подарки, обнимал ее, похлопывал по спине. Свои чувства они делили и с нами: мы с братом частенько забирались к ним в постель, особенно в грозу, когда сверкали молнии и громыхал гром.

Но примерно раз в неделю, обычно в пятницу вечером, отец возвращался домой пьяным. Порой он отсутствовал до двух-трех часов ночи, просиживая в *Gasthaus* вместе с жителями деревни, к которым нередко присоединялись священник, директор школы и мэр. Мы просыпались среди ночи, услышав, как отец в бешенстве разгуливает по дому и кричит на мать. Ярость быстро проходила, и на следующий день отец уже был добрым и ласковым и вел нас обедать в таверну или дарил подарки, искупая свою вину. Однако если мы с Мейнхардом вели себя плохо, отец отвечивал нам затрещины и порол ремнем.

Нам с братом это казалось совершенно нормальным: все отцы лупили своих детей и возвращались домой пьяными. Один наш сосед надирал своему сыну уши и хлестал розгами, которые мочил в воде, чтобы было больнее. А пьянство было неотъемлемой частью любого застолья. Иногда мужчины приводили с собой в *Gasthaus* своих жен и детей. Мы с братом считали большой честью сидеть за столом вместе со взрослыми, а потом есть десерт. Или нас пускали в соседнюю комнату, угощали кока-колой и сажали играть в настольные игры, листать

журналы и смотреть телевизор. Мы оставались в таверне до полуночи, думая: «Ого, это просто здорово!»

Мне потребовалось много лет, чтобы понять, что за внешним *Gemütlichkeit*¹ в действительности стоят горечь и страх. Мы росли в окружении тех, кто считал себя сборищем неудачников. Их поколение развязало Вторую мировую войну и потерпело в ней поражение. В годы войны отец ушел из жандармерии и поступил в военную полицию в немецкой армии. Он служил в Бельгии, во Франции и в Северной Африке, где подхватил малярию. В 1942 году его едва не схватили в плен под Сталинградом, в самом кровопролитном сражении войны. Дом, в котором он находился, был взорван русской бомбой. Отец три дня пролежал под завалами. У него был поврежден позвоночник, в обеих ногах были осколки. Ему пришлось несколько месяцев лечиться в госпитале в Польше, прежде чем он поправился и смог вернуться в Австрию, где снова поступил в гражданскую полицию. Но кто знает, сколько времени потребовалось, чтобы залечить раны психики, если учесть все, что довелось пережить отцу? Я слышал разговоры о войне, когда мужчины напивались пьяными, поэтому могу себе представить, как болезненно все было. Они потерпели поражение, и еще они боялись того, что однажды придут русские и угонят их к себе, восстанавливать Москву и Ленинград. Они были обозлены, старались скрыть ярость и унижение, однако разочарование слишком глубоко пустило корни в их сердцах. Только подумать: им ведь обещали, что они станут гражданами новой великой империи и каждая семья будет обладать всеми жизненными благами. А вместо этого они вернулись в разоренную страну, где нет денег, не хватает продовольствия, все надо восстанавливать. Страна занята оккупационными войсками, так что они больше не хозяева своей родины. И хуже всего то, что нет никакого способа забыть то, что им пришлось пережить. Ну как залечивать эту немыслимую травму, когда все стараются о ней молчать?

Наследие Третьего рейха официально стиралось. Всем государственным служащим – представителям местной власти, учителям, полицейским, – требовалось пройти так называемую «денацификацию». Их долго допрашивали, их личные дела тщательно изучали, проверяя, причастны ли они к военным преступлениям. Все связанное с нацистской эрой изымалось: книги, фильмы, плакаты, даже личные дневники и фотографии. Нужно было отдать все: война начисто стиралась в сознании.

Мы с Мейнхардом лишь смутно это чувствовали. У нас дома была книга с красивыми картинками, которую мы брали, когда играли в священника, притворяясь, что это Библия, потому что размером она была гораздо больше нашей семейной Библии. Один из нас стоял, держа раскрытую книгу, а другой читал мессу. На самом же деле это был альбом, пропагандирующий великие свершения Третьего рейха. Разделы были посвящены различным темам: коммунальные службы, строительство тоннелей и плотин, речи и выступления Гитлера, новые большие корабли, новые памятники, великие сражения войны в Польше. В каждом разделе имелись чистые страницы, и, покупая военные облигации, можно было получить фотографии с номером, которые следовало наклеить на соответствующую страницу. Как только коллекция оказывалась полностью собранной, вручался специальный приз. Мне больше всего нравились страницы с изображением величественных железнодорожных вокзалов и могучих паровозов, окутанных паром, но больше всего я обожал фотографию двух железнодорожников на открытой дрезине, приводимой в действие рычагом, – для меня это было олицетворением приключений и свободы.

Мы с Мейнхардом даже не догадывались, что это за книга. Но однажды, собравшись играть в священника, мы обнаружили, что она исчезла. Мы тщетно искали повсюду. Наконец я спросил у матери, куда исчезла красивая книга: в конце концов, это же была наша Библия! Но мать только ответила: «Нам пришлось ее отдать». Позднее я просил отца: «Расскажи мне

¹ Добродушием (нем.).

о войне», расспрашивал его о том, что он делал, где бывал. Его ответ был неизменным: «Тут не о чем говорить».

Защитой отца от всех жизненных проблем была дисциплина. У нас дома был строгий распорядок, в котором ничего не менялось: мы вставали в шесть, после чего мне или Мейнхарду предстояло сходить за молоком на соседнюю ферму. Когда мы стали постарше и начали заниматься спортом, в перечень обязательных дел добавились физические упражнения, и мы должны были заработать себе завтрак, выполнив определенное количество приседаний. Вечером, после того как мы делали уроки и заканчивали домашние дела, отец шел с нами играть в футбол, какой бы плохой ни была погода. И если у нас что-то не получалось, отец на нас кричал.

Так же твердо он был убежден в необходимости тренировать мозг. По воскресеньям после мессы отец вел всю нашу семью куда-нибудь – в соседнюю деревню, в кино, или смотреть, как он выступает со своим оркестром. А вечером мы должны были написать сочинение о том, что случилось за день, не меньше десяти страниц. Отец возвращал тетрадки исчерканными красными чернилами, а если один из нас писал какое-то слово с ошибкой, он заставлял переписывать это слово пятьдесят раз.

Я любил своего отца и хотел быть похожим на него. Помню, как-то раз, когда я был маленьким, я надел его мундир и встал на стуле перед зеркалом. Китель доходил до щиколоток, словно платье, а фуражка сползала на нос. Но отец отмахивался от всех наших проблем. Если мы просили у него велосипед, он отвечал, что мы сами должны на него заработать. Отец не переставал повторять, что нет предела совершенству. Его требования могли искалечить кого угодно, однако на меня дисциплина подействовала положительно. Я превратил ее в свой движитель.

Мы с Мейнхардом были очень близки. Мы спали в одной комнате до тех пор, пока я в возрасте восемнадцати лет не ушел в армию, и ничего другого я даже представить себе не мог. И по сей день мне гораздо уютнее, если перед сном можно с кем-нибудь поболтать.

Как это часто бывает с братьями, мы страшно соперничали во всем – всегда стремились одержать верх друг над другом и завоевать благосклонность отца, который, разумеется, в спорте сам был одержим духом борьбы. Он устраивал нам забег и приговаривал: «А теперь посмотрим, кто из вас действительно лучше». Ростом мы были выше большинства сверстников, но поскольку я был на год младше, как правило, в этих упорных соревнованиях верх одерживал Мейнхард.

Я всегда искал, как бы расквитаться с братом. Слабым местом Мейнхарда была боязнь темноты. Когда ему исполнилось десять лет, он окончил начальную школу в нашей деревне и перешел в *Hauptschule*², которая находилась в Граце, за перевалом. Добираться туда нужно было на общественном транспорте, а до автобусной остановки от нашего дома было двадцать минут пешком. На беду Мейнхарда, в короткие зимние дни занятия в школе заканчивались уже после захода солнца, и ему приходилось возвращаться домой в сумерках. Брат очень боялся идти один в темноте, поэтому моей задачей было встречать его на остановке.

На самом деле и мне было страшно в девятилетнем возрасте идти одному по темным улицам. Фонарей в Тале не было, и ночью на деревню опускался крошечный мрак. Дороги и тропинки были окружены сосновыми рощами, словно взятыми из сказок братьев Гримм: деревья росли так часто, что даже при свете дня в рощах царил полумрак. Разумеется, мы были воспитаны на этих жутких сказках, которые сам я ни за что не стану читать своим малышам, но они были частью нашей культуры. В них неизменно присутствовали какие-нибудь ведьма, волк или чудовище, готовые погубить незащитного ребенка. Подпитывало наши страхи и то, что у нас дома был свой полицейский. Иногда, возвращаясь с дежурства, отец рассказывал, что

² Средняя школа (нем.).

полиция ведет розыск того или иного преступника или убийцы. Мы отправлялись к одинокому сараю с сеном посреди поля, отец оставлял нас ждать, а сам с пистолетом в руке осматривал, что внутри. Или приходило известие, что отец со своими людьми схватил какого-то вора, и тогда мы с братом бежали в участок, чтобы посмотреть на типа в наручниках, сидящего за решеткой.

Задача добраться до автобусной остановки была посложнее, чем просто пройти по дороге. Тропа огибала развалины замка и спускалась вниз вдоль опушки леса. Однажды ночью я шел по этой тропе, пристально всматриваясь в лес в поисках возможной угрозы, и вдруг словно из ниоткуда передо мной возник человек. В лунном свете я различил лишь его силуэт и два блестящих глаза. Застыв на месте, я закричал от страха. Это оказался лишь работник с соседней фермы, шедший навстречу; но если бы это был гоблин, он тогда точно со мной бы расправился.

Я перебарывал страх только потому, что должен был доказать, что сильнее Мейнхарда. Мне было крайне важно продемонстрировать родителям: «Я храбрый, а он трус, хотя он и старше меня на год и четырнадцать дней».

И эта решимость приносила свои плоды. За то, что я ходил встречать Мейнхарда, отец выдавал мне по пять шиллингов в неделю. Мать, воспользовавшись моим бесстрашием, стала каждую неделю посылать меня на рынок за овощами, для чего нужно было пройти через другой темный лес. Эта работа также приносила по пять шиллингов, и я с радостью тратил честно заработанные деньги на мороженое и на коллекцию марок.

Однако обратная сторона заключалась в том, что родители стали больше заботиться о Мейнхарде, уделяя мне все меньше внимания. Во время школьных каникул летом 1956 года они отправили меня работать на ферме у крестной, но брата оставили дома. Мне доставлял удовольствие физический труд, но я почувствовал себя обделенным, когда, вернувшись домой, узнал, что в мое отсутствие родители возили Мейнхарда посмотреть Вену.

Постепенно наши пути разошлись. В то время как я читал в газетах спортивные страницы и запоминал фамилии спортсменов, Мейнхард полюбил журнал «Шпигель», немецкий аналог американского «Тайм», – в нашей семье такое было в диковинку. Брат выучил названия и численность населения столиц всех стран и длины всех значительных рек мира. Он знал наизусть периодическую таблицу Менделеева и химические формулы. Мейнхард стал просто фанатиком различных фактов и постоянно бросал вызов отцу, проверяя, знает ли тот то или иное.

В то же время у брата развилось отвращение к физическому труду. Ему не нравилось пачкать руки. Он повадился каждый день надевать в школу белую рубашку. Мать ему ничего не говорила, но жаловалась мне: «Мало с меня белых рубашек твоего отца, теперь я должна стирать еще и *его* рубашки». Вскоре в семье утвердилось мнение, что Мейнхард станет «белым воротничком», квалифицированным рабочим, может быть, даже инженером, а я буду «синим воротничком», поскольку не имел ничего против того, чтобы пачкать руки. «Ты хочешь стать механиком? – спрашивали меня родители. – Как насчет столяра-краснодеревщика?» А еще они думали, что я стану полицейским, как отец.

У меня же были другие планы. Откуда-то у меня в голове возникла мысль, что мое место в Америке. Ничего определенного. Просто... *Америка*. Не могу точно сказать, что послужило толчком. Быть может, это было лишь стремление бежать от житейских невзгод Таля и железной дисциплины отца, или, возможно, меня захлестнул восторг каждый день ездить в Грац, где осенью 1957 года я следом за Мейнхардом поступил в пятый класс *Hauptschule*. По сравнению с Талем Грац был гигантским мегаполисом, с машинами, магазинами и тротуарами. Американцев там не было, но Америка постепенно просачивалась в нашу культуру. Все мальчишки играли в индейцев и ковбоев. Мы видели американские города и села, автостреды и природные достопримечательности на картинках в учебниках и на зернистых черно-белых кадрах документальных фильмов, которые крутили у нас в классе на стареньком скрипучем кинопроекторе.

Что важнее, мы понимали: Америка нужна нам для нашей безопасности. В Австрии «холодная война» чувствовалась повсюду. В случае кризиса отец должен был собрать рюкзак и отправиться на проходящую в пятидесяти пяти милях к востоку венгерскую границу, чтобы организовать отпор. Год назад, в 1956 году, когда советские танки раздавили венгерское восстание, отец принимал участие в размещении сотен беженцев, хлынувших в нашу страну. Он строил для них лагеря и помогал переправиться туда, куда они хотели. Кто-то хотел отправиться в Канаду, кто-то хотел остаться в Австрии, и, разумеется, многие хотели попасть в Америку. Отец со своими людьми работал с беженцами, а мы с братом приходили к нему и помогали раздавать суп, что произвело на меня большое впечатление.

Наше знакомство с окружающим миром продолжалось в кинотеатре рядом с центральной площадью Граца, где непрерывно крутили новостные ролики. Один и тот же часовой сеанс продолжался по кругу весь день. Сначала показывали хронику событий со всего мира, с сопровождением на немецком языке, затем – мультфильм про Микки-Мауса, после чего шли слайды с рекламой магазинов Граца. В конце играла музыка, и все начиналось заново. Билеты были недорогими – всего несколько шиллингов, – и каждый сюжет новостей открывал новые чудеса. Элвис Пресли исполняет песню *Hound Dog*. Президент Дуайт Эйзенхауэр произносит речь. Американские машины и кинозвезды. Эти образы я запомнил навсегда. Конечно, было также много нудного, но это прошло сквозь меня, не оставив следа, подобно Суэцкому кризису 1956 года.

Еще большее впечатление производили американские фильмы. Самым первым, который увидели мы с Мейнхардом, был «Тарзан» с Джонни Вайсмюллером в главной роли. Мне казалось, Джонни спрыгнет с экрана прямо к нам. Меня завораживала мысль, что человек может раскачиваться на лианах и прыгать с дерева на дерево, а также говорить с львами и шимпанзе; и еще я затаив дыхание следил за развитием отношений Тарзана и Джейн. Вот была отличная жизнь! Мы с Мейнхардом просмотрели этот фильм несколько раз.

Два кинотеатра, в которые мы обычно ходили, стояли друг напротив друга на самой популярной торговой улице Граца. В основном в них крутили вестерны, но также комедии и драмы. Единственная беда заключалась в том, что все фильмы были разделены на строгие возрастные категории. У входа стоял полицейский, проверяя возраст посетителей. Попасть на фильм с Элвисом, эквивалент нынешнего «от 13 и старше», было довольно просто, но вот все фильмы, которые я хотел посмотреть – вестерны, фильмы про гладиаторов, про войну, – относились к категории вроде нынешней *Restricted*³, и поэтому попасть на них было гораздо сложнее. Иногда благожелательная кассирша предлагала подождать, затем быстро кивала в сторону прохода, где стоял полицейский. А еще я караулил у выхода и проходил в зрительный зал сзади.

За развлечения я расплачивался деньгами, заработанными благодаря своей первой предпринимательской деятельности: летом 1957 года я торговал мороженым в Талерзее. Талерзее – это парк на берегу одноименного живописного озера, уютно расположившегося между горами к востоку от Таля, примерно в пяти минутах пешком от нашего дома. До озера легко добраться со стороны Граца, и летом тысячи людей приезжают сюда, чтобы отдохнуть, искупаться, поплавать на лодках и поиграть в спортивные игры. К полудню им уже становилось жарко и хотелось пить, и когда я увидел длинную очередь, выстроившуюся к киоску с мороженым, то понял, что передо мной открывается деловая перспектива. Парк достаточно обширный, и от некоторых мест до киоска идти минут десять, так что на обратном пути мороженое успеет растаять. Выяснив, что можно покупать мороженое по шиллингу, я закупал десяток порций и обходил озеро, продавая их по три шиллинга. Хозяин киоска только приветствовал расширение бизнеса и даже одолжил мне ящик, в котором рожки дольше оставались холодными. Торгуя мороже-

³ «Запрещено» (англ.) – фильмы, которые запрещено смотреть детям до 16 лет.

ным, я зарабатывал за день сто пятьдесят шиллингов, почти шесть долларов; к тому же я приобрел красивый загар, расхаживая по парку в одних шортах.

Однако через какое-то время мои сбережения, заработанные на мороженом, иссякли, а сидеть на мели мне совсем не понравилось. И я нашел решение: попрошайничество. Я сбегал из школы и отправлялся бродить по главной улице Граца, высматривая какое-нибудь симпатичное лицо. Иногда это бывали мужчина средних лет или студент, но, как правило, я выбирал крестьянку, приехавшую в город по делам. Я подходил к ней и говорил: «Простите, но я потерял все деньги и проездной на автобус, а мне нужно вернуться домой». Случалось, крестьянка прогоняла меня, но гораздо чаще она говорила что-нибудь вроде: «Du bist so dimm! Как ты мог совершить подобную глупость?» И тогда я понимал, что дело выгорело, потому что крестьянка вздыхала и спрашивала: «Сколько тебе нужно?»

– Пять шиллингов.

– Ну, хорошо. Ja.

Я всегда просил ее записать свой адрес, чтобы я смог вернуть деньги. Обыкновенно крестьянка лишь говорила: «Нет, нет, можешь не присылать деньги. Просто в следующий раз будь более внимателен». Правда, порой бывало, что крестьянка записывала свой адрес. Разумеется, я и не собирался возвращать деньги. В удачные дни я выпрашивал до ста шиллингов – четыре доллара. Этого было достаточно, чтобы покупать игрушки, ходить в кино и вообще жить припеваючи!

Однако в моей схеме была одна дыра. Ребенок школьного возраста, один на улице в будний день, привлекал к себе внимание. В Граце многие знали моего отца. И как-то один знакомый сказал ему: «Сегодня я видел твоего сына на улице, он выпрашивал деньги у какой-то женщины». Это привело к грандиозному скандалу дома, который завершился жестокой поркой, что положило конец моей карьере попрошайки.

Эти первые выезды за пределы Таля распалили мои мечты. Я преисполнился абсолютной уверенности в собственной исключительности, в том, что меня ждут великие свершения. Я решил, что стану лучшим в какой-нибудь области – хотя еще и не знал, в какой именно, – и это сделает меня знаменитым. Америка – самая могущественная страна в мире, поэтому я должен отправиться туда.

Нет ничего необычного в том, что десятилетний ребенок мечтает. Однако мысль отправиться за океан явилась для меня откровением, и я отнесся к ней серьезно. Мне хотелось говорить о ней. Однажды, стоя на автобусной остановке, я сказал девочке, на два года старше меня: «Я собираюсь уехать в Америку», а она лишь смерила меня взглядом и сказала: «Ага, Арнольд, разумеется». Ребята привыкли слушать мои рассказы об Америке и считали, что у меня не все дома, однако это не мешало мне делиться своими планами со всеми: с родителями, с учителями, с соседями.

Средняя школа не ставила задачу вырастить нового мирового лидера. Она лишь готовила детей к взрослой жизни, в которой нужно трудиться. Мальчики и девочки были разведены по разным крыльям здания. Школьники получали основы знаний по математике, естественным наукам, географии, истории, религии, литературе, искусству, музыке и другим дисциплинам, однако все эти предметы преподавались в меньших объемах, чем в академической школе, готовившей подростков к поступлению в университет или технический институт. Выпускники *Hauptschule*, как правило, шли учиться в профессиональные училища или сразу же начинали работать. Тем не менее учителя были очень добросовестными и стремились обогатить нас знаниями. Они показывали нам на уроках фильмы, приглашали в школу оперных певцов, открывали для нас литературу и искусство.

Окружающий мир был мне так интересен, что учеба давалась без особого труда. Я отвечал на уроках, выполнял домашние задания и по успеваемости был средним в классе. Чтение и письмо требовали от меня собранности: с ними у меня было больше проблем, чем у боль-

шинства моих одноклассников. С другой стороны, математика шла легко: я никогда не путал цифры и легко считал в уме.

Дисциплина в школе мало отличалась от того, к чему я привык дома. Учителя лупили нас не хуже родителей. Один мальчик попался на том, что украл у одноклассника ручку; так школьный священник ударил его катехизисом с такой силой, что у бедняги несколько часов стоял звон в ушах. Учитель математики отвесил моему другу такой увесистый подзатыльник, что тот ударился лицом о парту и выбил два передних зуба. Общение учителей и родителей было прямой противоположностью тому, что мы имеем сейчас, когда школа и родители прилагают все усилия, чтобы не травмировать чувства ребенка. А нас, весь класс, все тридцать человек усаживали за парты, и учитель говорил: «Вот вам задание. Даю два часа на его выполнение, а я тем временем буду встречаться с вашими родителями». Родители по одному заходили в класс – крестьянка, рабочий... И каждый раз повторялась одна и та же сцена. Родители с большим уважением здоровались с учителем и подсаживались к нему, а тот показывал им работы их ребенка и вполголоса обсуждал его успехи в учебе. Можно было услышать, как отец строго спрашивает: «Так он иногда безобразничает?» Затем он оборачивался, бросал на сына строгий взгляд, вставал, подходил к нему и отвечивал затрепину, после чего возвращался за стол учителя. Все это происходило у нас на глазах, а учитель ехидно ухмылялся.

Потом я слышал, как по лестнице поднимается мой отец. Я всегда узнавал его шаги, тяжелую поступь полицейских ботинок. Отец появлялся в дверях, одетый в форму, и теперь уже учитель вставал, выказывая свое уважение, потому что мой отец был полицейский инспектор. Они садились и начинали разговаривать, и наступал мой черед: отец оборачивался, сверкал глазами, затем подходил, хватал левой рукой за волосы и «бум!» правой. После чего уходил, не сказав ни слова.

Время было тяжелое. Везде были трудности. Так, например, зубные врачи не использовали заморозку. Но тот, кто вырос в такой суровой обстановке, учится на всю жизнь терпеть физическую боль, и этот навык не проходит и тогда, когда трудности давно остались позади.

Когда Мейнхарду было лет четырнадцать и что-то дома его не устраивало, он повадился убегать прочь. Он говорил мне: «Думаю, я опять уйду. Но ты ничего не говори». После чего он собирал одежду в портфель, чтобы никто ничего не заподозрил, и исчезал.

Мать сходила с ума от беспокойства. Отец обзванивал своих приятелей в соседних участках жандармерии, выясняя, не объявился ли его сын. Брат выбрал очень эффективный способ протеста, если учесть то, что его отец был полицейским начальником.

Через день-два Мейнхард объявлялся, как правило, дома у одного из родственников, а может быть, он прятался у своего друга, до которого рукой подать. Меня всегда поражало то, что для него не было никаких последствий. Возможно, отец просто давал ситуации разрядиться. За свою работу в полиции ему не раз приходилось иметь дело с детьми, сбежавшими из дома, и он понимал, что, наказав Мейнхарда, только усугубит проблему. Однако, готов поспорить, отцу приходилось собирать всю свою выдержку.

Я же мечтал покинуть дом законным путем. Поскольку я еще был несовершеннолетним, я решил, что лучший путь к независимости – не лезть в чужие дела и самому зарабатывать деньги. Я брался за любую работу. Я нисколько не стеснялся взять лопату и копать землю. Как-то летом во время каникул один парень из нашей деревни устроил меня на стекольный завод в Граце, где работал он сам. Моя работа заключалась в том, чтобы насыпать лопатой битое стекло в тележку, везти в цех и высыпать в чан для переплавки. В конце каждого дня мне платили наличными.

На следующее лето я услышал, что есть работа на лесопилке в Граце. Я взял портфель и положил в него маленький бутерброд с маслом, чтобы продержаться до вечера. Затем доехал на автобусе до лесопилки, собрался с духом, вошел внутрь и спросил хозяина.

Меня провели в контору, и там был хозяин, сидел за столом.

- Что тебе нужно? – спросил он.
- Я ищу работу.
- Сколько тебе лет?
- Четырнадцать.
- Какую ты хочешь работу? Ты ведь еще ничего не умеешь!

И все же хозяин взял меня, приставив к рабочим, обслуживающим машину, которая измельчала отходы древесины в опилки.

- Ты будешь работать здесь, – сказал он.

Я сразу же взялся за работу и проработал на лесопилке до конца каникул. Моей задачей было пересыпать лопатой огромную гору опилок в грузовики, которые их увозили. Я заработал за лето 1400 шиллингов, примерно 55 долларов. По тем временам это была большая сумма. Больше всего я гордился тем, что, несмотря на мой возраст, мне платили как взрослому.

У меня не было никаких сомнений относительно того, как распорядиться деньгами. Всю свою жизнь я носил обноски, оставшиеся от Мейнхарда. У меня никогда не было собственных новых вещей. Я только что начал заниматься спортом – меня приняли в школьную футбольную команду, – и как раз в этом году в моду вошли первые спортивные костюмы: черные длинные штаны и черные куртки на «молнии». Мне они ужасно нравились, и я даже пытался показать родителям фотографии из журналов. Но родители отвечали, что это лишь пустая трата денег. Поэтому первым делом я купил спортивный костюм. Затем на оставшиеся деньги купил велосипед. На новый у меня не хватило, но в Тале был один мастер, собиравший велосипеды из деталей старых, и такой велосипед я смог себе позволить. У нас дома велосипеда больше не было ни у кого: отец после войны променял свой на продукты и так и не купил новый. И хотя мой велосипед был далеко не в идеальном состоянии, даже эти два колеса означали свободу.

Глава 2

Построение тела

Из последнего класса средней школы мне больше всего запомнились учения гражданской обороны. В случае начала ядерной войны должны были включиться сирены. Мы закрывали учебники и забирались под парты, пряча головы между колен и зажимаясь. Даже ребенок понимал, как нелепо это выглядит.

В июне 1961 года все мы прильнули к экранам телевизоров, следя за Венской встречей на высшем уровне нового президента Соединенных Штатов Джона Ф. Кеннеди с советским премьером Никитой Хрущевым. Телевизоров в домах почти ни у кого не было, но мы знали магазин электротоваров на Лендплатц в Граце, где на витрине были выставлены два телевизора. Мы бегали к нему и стояли на тротуаре, смотря репортажи со встречи. К тому времени Кеннеди пробыл на президентском посту меньше полугода, и многие эксперты считали, что он совершил большую ошибку, сразу же договорившись о встрече с Хрущевым, прямым, резким и хитрым политиком. Мы, подростки, в этом не разбирались, а поскольку телевизоры стояли внутри магазина, мы все равно не слышали звук. Но мы смотрели! Мы чувствовали себя соучастниками происходящего.

Наше положение было страшным. Каждый раз, когда Россия и Америка о чем-то спорили, нам казалось, что мы обречены. Мы боялись, что Хрущев сделает с Австрией что-то ужасное, поскольку мы находились прямо посредине; вот почему встреча проходила как раз в Вене. Она была бурной. В какой-то момент Хрущев, выдвинув одно жесткое требование, добавил: «Теперь Америке решать, что будет – война или мир», а Кеннеди зловеще ответил: «В таком случае, господин председатель, будет война. Это будет долгая холодная зима». Когда осенью того же года Хрущев воздвиг Берлинскую стену, взрослые говорили друг другу: «А вот и оно». В Австрии только жандармерию и можно было считать вооруженными силами. Отцу выдали военную форму и снаряжение и отправили на границу. Он отсутствовал неделю, до тех пор пока кризис не разрешился.

А мы тем временем жили в напряжении. У нас в школе постоянно устраивали учения. Наш класс из тридцати мальчишек-подростков буквально бурлил тестостероном, однако войны не хотел никто. Нас больше интересовали девчонки. Они представляли для нас тайну, особенно для таких парней, как я, у кого не было сестер. Мы встречались с ними только на школьном дворе перед началом занятий, потому что девочки учились в отдельном крыле здания. Это были те самые девчата, с которыми мы росли всю жизнь, но внезапно они стали казаться нам пришельцами с другой планеты. Как с ними разговаривать? Мы как раз достигли той стадии, когда мальчишки начинают чувствовать половое влечение, однако проявлялось это по-странному – например, как-то утром мы устроили засаду в школьном дворе и забросали девочек снежками.

В тот день первым уроком у нас была математика. Учитель, вместо того чтобы раскрыть учебник, сказал: «Ребята, я видел вас во дворе. Давайте лучше поговорим об этом».

Мы испугались, что сейчас нам влетит, – это был тот самый учитель, который выбил моему приятелю зубы. Однако в этот день учитель был настроен миролюбиво. «Вы хотите понравиться этим девчонкам, да?» Мы неуверенно закивали. «Для вас это совершенно естественно, потому что нас влечет к противоположному полу. Затем вам захочется их поцеловать, потискать, заняться с ними любовью. Не этого ли хотят все, сидящие в классе?»

Мы закивали, уже увереннее. «Так что не пытайтесь убедить меня в том, что разумно бросать снежок девочке в лицо! Это так вы выражаете свою любовь? Это так вы говорите: «Я тебя люблю»? Как вам такое взбрело в голову?»

Теперь учитель полностью завладел нашим вниманием. «И я вспоминаю, каким был *мой* первый шаг в отношении девочек, – продолжал он. – Я говорил им ласковые слова, целовал их, обнимал, делал им приятное – вот что я делал».

У многих из нас отцы никогда не говорили о таких вещах. Мы вдруг поняли, что если хочешь завоевать девочку, нужно сначала постараться завязать с ней разговор, а не просто пускать слюнки, словно похотливый кобель. Нужно установить с ней хорошие отношения. Я был одним из тех, кто кидался снежками. И я усвоил эти намеки и запомнил их.

В самую последнюю неделю школьных занятий мне вдруг явилось откровение относительно моего будущего. Подумать только, это произошло во время урока истории, когда мы писали сочинение. Учитель любил выбирать из класса четверых-пятерых учеников и раздавать им газеты, чтобы они писали небольшое сочинение о заинтересовавших их статьях или фотографиях. Так получилось, что на этот раз был выбран я, и учитель протянул мне спортивную страничку. На ней была фотография Мистера Австрия, Курта Марнула, установившего новый рекорд в жиме на скамье лежа: 190 килограммов.

Его достижения вдохновили меня. Однако больше всего меня поразило то, что Марнул был в очках. У них были слегка тонированные стекла, и они сразу же бросались в глаза. В моем представлении очки были неразрывно связаны с людьми умственного труда: учителями и священниками. Однако вот Курт Марнул лежал на скамье, в трико, туго перетянутый поясом, с огромной грудной клеткой, держа над собой громадный вес, – и он был в очках. Я не мог оторвать взгляда от фотографии. Как человек с лицом профессора может выжать сто девяносто кило? Именно об этом я и написал сочинение. Прочитал его вслух и с удовлетворением услышал в классе смех. И меня очаровал этот человек, одновременно умный и сильный.

Параллельно с новым интересом к девушкам во мне креп интерес к собственному телу. Я стал уделять все больше внимания спорту: наблюдал за спортсменами, смотрел, как они занимаются, как управляют своим телом. Год назад для меня это не имело никакого значения; теперь же это было всем.

Сразу же после уроков мы с друзьями спешили в Талерзее. Летом это было наше излюбленное место: там мы купались, боролись в песке, гоняли по полю мяч. Я быстро познакомился с боксерами, борцами и другими спортсменами. В предыдущее лето я познакомился с Вилли Рихтером, спасателем. Ему было лет двадцать с небольшим. Он разрешил мне находиться рядом с ним и помогать ему. Вилли являлся разносторонним спортсменом. Когда он был не на дежурстве, я ходил за ним, наблюдая за тем, как он занимается. Обычно Вилли использовал весь парк в качестве одного большого гимнастического зала: он подтягивался на ветвях деревьев, отжимался и приседал на траве, бегал по аллеям, прыгал на месте. Время от времени Вилли специально для меня принимал позу, демонстрируя упругие мышцы, и это было здорово.

Вилли дружил с двумя братьями, у которых была по-настоящему накачанная мускулатура. Один из них учился в университете, другой был чуть помоложе. Они занимались гиревым спортом и культуризмом. В тот день, когда я с ними познакомился, братья выполняли толкание ядра. Они предложили мне попробовать и стали обучать меня разворотам и шагам. Потом мы подошли к дереву, на котором подтягивался Вилли. И вдруг он спросил: «А ты почему не пробуешь?» Я с трудом ухватился за ветку, потому что она была толстой и нужно было иметь сильные пальцы, чтобы удержаться на ней. Мне удалось с трудом подтянуться два-три раза, после чего я сорвался вниз. Вилли сказал: «Знаешь, если ты будешь заниматься все лето, обещаю, что ты сможешь подтянуться десять раз, и это будет достижением. И я не сомневаюсь, что твои «латы» вырастут по крайней мере на сантиметр с каждой стороны». Под «латами» он подразумевал мышцы спины, расположенные прямо под лопатками, по-латыни *latissimi dorsi*.

Я подумал: «Ого, как интересно, всего от одного только упражнения». Затем мы отправились по парку следом за Вилли, выполняя все его остальные упражнения. С этого дня я занимался вместе с ним ежедневно.

Предыдущим летом Вилли брал меня с собой в Вену на чемпионат мира по тяжелой атлетике. Мы вместе с другими ребятами поехали на машине. Дорога до Вены заняла четыре часа – дольше, чем мы предполагали, – поэтому мы успели только на последнее состязание в супертяжелой весовой категории. Победителем стал русский великан по имени Юрий Власов. Когда он поднял над головой штангу весом 190,5 килограмма (или 420 фунтов), многотысячный зал взорвался восторженными криками. За состязаниями тяжелоатлетов последовало мировое первенство по культуризму, и я впервые увидел ребят, вымазанных маслом, которые принимали различные позы, демонстрируя свою мускулатуру. Затем мы отправились за кулисы и встретились с самим Власовым. Не знаю, как нам это удалось, – возможно, кто-то задействовал свои связи в тяжелоатлетическом клубе Граца.

Эта поездка явилась для меня приключением, полным восторга, я отлично провел время. Однако в свои тринадцать лет я никак не думал, что все это может иметь ко мне какое-то отношение. Но через год все эти воспоминания зарегистрировались у меня в сознании, и я понял, что хочу стать сильным и иметь накачанную мускулатуру. Я как раз посмотрел фильм «Геркулес и пленницы», который мне очень понравился. На меня произвело огромное впечатление тело актера, снявшегося в главной роли. «Ты ведь знаешь, кто этот парень, да? – спросил Вилли. – Это же Мистер Вселенная, Редж Парк». Я рассказал ему про сочинение на уроке истории. Выяснилось, что Вилли присутствовал при том, как Курт Марнул установил рекорд в жиме лежа. «Он мой друг», – сказал Вилли.

Через пару дней он объявил:

– Сегодня вечером Курт Марнул придет на озеро. Ты понял, это тот парень с фотографии.

– Замечательно! – воскликнул я.

Я стал ждать вместе с одним одноклассником. Мы плавали и боролись на песке, и наконец появился Курт Марнул вместе с красивой девушкой.

Он был в обтягивающей футболке и темных брюках и все в тех же тонированных очках. Переодевшись в кабинке спасателя, Марнул вышел в одном купальном костюме. Мы смотрели на него не отрываясь. Как же невероятно он выглядел! Марнул славился своими огромными дельтовидными и трапециевидными мышцами, и действительно, плечи у него были просто гигантские. И при этом у Марнула была узкая талия, «кубики» мышц брюшного пресса, – все что нужно.

Девушка, бывшая с ним, переделалась в купальник, в бикини. Она также выглядела бесподобно. Мы поздоровались с ними и остались на берегу, наблюдая за тем, как они купаются.

Вот теперь мне действительно захотелось стать таким, как Марнул. Как оказалось, он регулярно приходит на озеро, частенько в сопровождении самых невероятных девушек. Марнул довольно вежливо обращался со мной и с моим другом Карлом Герстлем, так как понимал, что для нас он кумир. Карл был светловолосым парнем примерно моего роста, года на два старше меня, к которому я однажды подошел, увидев, что он накачал приличные мышцы.

– Ты занимаешься? – спросил я.

– Точно, – подтвердил Карл. – Я начал с подтягиваний и сотни приседаний в день, но теперь я не знаю, что еще делать.

Тогда я пригласил его заниматься вместе со мной и Вилли. Марнул должен был показать нам упражнения.

Вскоре к нам присоединились другие ребята: друзья Вилли и парни из тренажерного зала, где занимался Карл, все старше меня. Старше всех был один коренастый тип лет сорока по имени Муи. В прошлом он был профессиональным борцом; сейчас же просто работал с гириями. Как и Марнул, Муи был холостяком. Он жил на государственную стипендию и учился

в университете. Классный парень, политически грамотный и очень умный, Муи свободно владел английским. Он стал играть важную роль в нашей группе, поскольку переводил нам статьи из английских и американских журналов по культуризму, а также из «Плейбоя».

Рядом с нами всегда были девушки, которые занимались вместе с нами или просто убивали время. Нравы в Европе были не такими пуританскими, как в Соединенных Штатах. Все связанное с человеческим телом было более открытым – чем меньше прячешь, тем в тебе меньше странностей. В уединенных уголках парка частенько можно было увидеть загорающих нудистов. Мои друзья ездили отдыхать в колонии нудистов в Югославии и во Франции. Там они чувствовали себя свободными. И парк Талерзее, с его холмами, густыми кустами и тропинками, был идеальным местом для влюбленных. Когда я в возрасте десяти-одиннадцати лет продавал здесь мороженое, то не мог взять в толк, почему люди лежат в зарослях на больших одеялах, но теперь я уже понимал, что к чему. В то лето наша группа воображала, будто мы гладиаторы. Мы повернули время вспять: пили сырую воду и красное вино, ели мясо, наслаждались женскими ласками, бегали по лесу и выполняли упражнения. Каждую неделю мы разводили большой костер у берега озера и жарили шашлык с помидорами и луком. Мы лежали под звездами и вращали вертела над огнем, до тех пор пока мясо не достигало готовности.

Мясо на эти пиршества приносил отец Карла, Фреди Герстль. Из всех нас он единственный был с мозгами – коренастый мужчина в очках с толстыми стеклами, бывший для нас не столько отцом нашего приятеля, сколько другом. Фреди служил в полиции, и у них с женой были два самых больших табачных и газетных киоска в Граце. Фреди возглавлял ассоциацию торговцев табаком, однако больше всего ему нравилось помогать молодежи. По воскресеньям они с женой выводили на поводке своего боксера и отправлялись гулять вокруг озера, а мы с Карлом шли следом. Никогда нельзя было предугадать, что вытворит Фреди. Вот он рассуждал о политике «холодной войны», а в следующую минуту уже принимался подшучивать над нами по поводу того, что мы еще совсем не разбираемся в девочках. Фреди обучался оперному пению, и порой он останавливался у края воды и голосил какую-нибудь арию. Собака подвывала, аккомпанируя ему, а мы с Карлом смущались и отходили в сторону.

Мысль о гладиаторах пришла в голову Фреди. «Ребята, что вы смыслите в силовых упражнениях? – спросил он как-то. – Почему бы вам не взять пример с римских гладиаторов? Вот *они-то* знали, как заниматься!» Хотя сам он подталкивал Карла идти в медицинское училище, ему было по душе то, что его сын работает над своим телом. Для него мысль гармоничного развития тела и мозга была чем-то вроде религии. «Вы должны построить совершенную физическую машину, но также и совершенный мозг, – говорил он. – Почитайте Платона! Греки придумали Олимпийские игры, но они также дали миру великих философов. Вот и вы не должны забывать ни о первом, ни о втором». Фреди рассказывал нам про греческих богов, про красоту тела и красоту идеала. «Знаю, многое из того, что я вам говорю, влетает в одно ухо и вылетает в другое, – говорил он. – Но я буду настойчив. Вода точит камень, и настанет день, когда вы осознаете, насколько все это важно».

Однако в настоящий момент мы были больше сосредоточены на том, чему мог нас научить Курт Марнул. Курт был само очарование. Нам он казался идеалом, потому что стал Мистером Австрия. У него были прекрасное тело и девочки, ему принадлежал рекорд в жиме лежа, и он ездил на кабриолете «Альфа-Ромео». Познакомившись с ним поближе, я узнал распорядок его дня. Курт работал бригадиром дорожно-строительных рабочих. Работать он начинал рано утром и заканчивал в три часа дня, после чего проводил три часа в напряженных тренировках в тренажерном зале. Курт разрешал нам присутствовать на тренировках, поскольку хотел показать: тот, кто хорошо работает, получает неплохие деньги и может позволить себе такую машину; тот, кто усиленно занимается, побеждает в чемпионатах. И нет никаких легких обходных путей.

Марнул был дока по части красивых девушек. Он умел знакомиться с ними везде: в ресторане, у озера, на спортивной площадке. Иногда он приглашал их на свою работу, где красовался в безрукавке, распоряжаясь рабочими и наблюдая за работой машин. Затем он подходил к девушкам и болтал с ними. Ключевую роль в его ухаживаниях играл парк Талерзее. Обычный парень просто приглашал приглянувшуюся девушку сходить после работы в кафе, но только не Курт. Тот вез ее в своей «Альфа-Ромео» на озеро купаться. Затем они отправлялись ужинать в ресторан, и Курт заказывал красное вино. В машине у него всегда были наготове одеяло и еще одна бутылка вина. Они с девушкой возвращались к озеру и выбирали какое-нибудь романтическое местечко. Курт расстилал одеяло, откупоривал бутылку вина и принимался обхаживать девушку. Он был неотразим. Вид его в деле ускорил во мне процесс, начатый учителем математики. Я запоминал фразы Курта, его движения, а также не забывал про одеяло и вино. Впрочем, так поступали все мы. И девчонки нам отвечали!

Курт и остальные ребята быстро увидели во мне потенциал, потому что уже после первых тренировок я быстро нарастил мышцы и набрал силу. Когда лето закончилось, Курт пригласил меня заниматься в Грац, где имелось необходимое оборудование. Спортивный зал Атлетического союза располагался под трибунами футбольного стадиона – большое помещение с бетонными стенами и лампами под потолком, оснащенное лишь самым необходимым: гантели, штанги, турники для подтягиваний и скамейки для отжиманий. Там всегда было много крепких мужчин, которые пытели и потели, усердно занимаясь. Ребята с озера показали мне несколько простых упражнений с гантелями, и я с радостью проработал три часа, выполняя десятки раз всевозможные толкания, приседания и наклоны.

Обыкновенно тренировка новичка состоит из трех серий под десять повторений каждого упражнения, просто чтобы мышцы набрали тонус. Но мне этого никто не сказал. Старожилы тренажерного зала любили подшучивать над начинающими. Они подбили меня выполнить *десять* серий упражнений. Закончив, я с наслаждением принял душ, – дома водопровода у нас не было, поэтому я всегда с радостью пользовался возможностью принять душ на футбольном стадионе, несмотря на то что вода не подогревалась. Затем оделся и вышел на улицу.

Ноги у меня были ватными и дрожали, но я не придал этому значения. Затем сел на велосипед и сразу же с него упал. Это показалось мне очень странным, и только тут я обратил внимание на то, что руки и ноги словно существуют отдельно от меня. Я снова взобрался на велосипед, но мне никак не удавалось удержать руль, а бедра тряслись так, будто были сделаны из каши. Не справившись с управлением, я вильнул в сторону и свалился в канаву. Падение оказалось очень болезненным. Я отказался от попыток ехать на велосипеде. В конце концов мне пришлось катить его до самого дома – изматывающая дорога пешком длиною четыре мили. И несмотря ни на что, я не мог дожидаться, когда же снова приду в тренажерный зал и начну заниматься.

То лето произвело на меня чудодейственный эффект. Вместо того чтобы просто существовать, я начал жить полной жизнью. Меня выбросило из скучного однообразия Таля – где я каждое утро просыпался, ходил к соседу за молоком, возвращался домой и делал отжимания и приседания, пока мать готовила завтрак, а отец собирался на работу, – в этом однообразии у меня ничего не было впереди. Но теперь совершенно внезапно появилась радость, появилась борьба, появилась боль, появилось счастье, появились наслаждения, появились женщины, появился драматизм. Меня не покидало чувство: «Теперь мы живем по-настоящему! Как же это здорово!» И даже хотя я восхищался своим отцом, который благодаря внутренней дисциплине добился многого на работе, в спорте, в музыке, само то обстоятельство, что он мой отец, обесценивало все это в моих глазах. Теперь же совершенно внезапно у меня появилась совершенно новая жизнь, и она была *моею*.

Осенью 1962 года в возрасте пятнадцати лет я начал новую главу своей жизни. Я поступил в техническое училище в Граце и начал работать подмастерьем. Хотя я по-прежнему

жил у себя дома, тренажерный зал во многих отношениях заменил мне мою семью. Ребята постарше помогали тем, кто младше. Они подходили и делали замечания, если кто-то выполнял упражнение неправильно. Моим основным напарником на тренировках стал Карл Герстль, и мы познали радость совместных занятий и дружеского соперничества, когда один вдохновляет другого, подбадривает его. «Обещаю, я выполню это силовое упражнение десять раз», – скажет Карл. Он выполнит какое-то упражнение одиннадцать раз, только чтобы раззадорить меня, и объявит: «Это было просто великолепно!» Тогда я посмотрю на него и скажу: «А теперь я выполню то же самое упражнение двенадцать раз».

Идеи упражнений мы черпали в основном из журналов. Издания на немецком языке, посвященные наращиванию мускулатуры и силовым упражнениям, имелись, однако лучшими считались американские журналы, и наш друг Муи обеспечивал переводы. Эти журналы были нашим Священным Писанием по части упражнений, питания; из них мы узнавали, как готовить богатые белками напитки для наращивания мышц и как заниматься с напарником. Культурнизм представлялся в них золотой мечтой. В каждом номере были фотографии чемпионов и подробности о системе их тренировок. На снимках улыбающиеся парни напрягали мышцы, демонстрируя свои тела в клубе «Маскл-Бич» в Венеции, штат Калифорния – разумеется, в окружении потрясающих девушек в сексуальных купальниках. Все мы знали фамилию издателя, Джо Уайдера; он был чем-то вроде Хью Хефнера⁴ в мире мускулатуры – ему принадлежали журналы, в каждом номере были его статьи и фотографии, и почти на каждой снимке присутствовала его жена Бетти, шикарная фотомоделка.

Вскоре жизнь в тренажерном зале полностью поглотила меня. Я мог думать только о занятиях. Как-то раз в воскресенье, обнаружив, что зал заперт, я взломал замок и занимался один в леденящий холод. Мне пришлось обматывать руки полотенцами, чтобы они не прилипали к стальным штангам. Неделю за неделей я следил за тем прогрессом, которого добивался в поднятии веса, в количестве выполненных упражнений, в том, в каком состоянии находятся мое тело и мышечная масса. Я стал постоянным членом команды Атлетического союза и очень гордился тем, что я, Арнольд Шварценеггер, состою членом того же клуба, что и Мистер Австрия, великий Курт Марнул.

Я перепробовал множество других видов спорта, но то, как откликалось мое тело на силовую нагрузку, сразу же ясно дало понять, что именно в этом мой потенциал, что именно здесь я могу полностью раскрыться. Я не мог выразить словами, что двигало мной. Но мне казалось, что я рожден для тренировок, и я чувствовал, что это должно стать моим билетом из Талей. «Курт Марнул смог завоевать титул Мистер Австрия, – рассуждал я, – и он уже говорил мне, что я тоже смогу, если буду усиленно заниматься. Значит, я *буду* усиленно заниматься». Эта мысль превращала долгие часы занятий с тоннами чугуна и стали в сплошное наслаждение. Каждое болезненная тренировка, каждое новое упражнение были еще одним шагом к моей цели: завоевать титул Мистер Австрия и получить право участвовать в состязаниях на титул Мистер Европа. Затем в ноябре я увидел в универсальном магазине в Граце последний номер «Наращивания мышц». На обложке было фото Реджа Парка, Мистера Вселенная. Одетый в набедренную повязку, он изображал Геркулеса, и вдруг до меня дошло, что *вот* тот парень, который снялся в главной роли в фильме, понравившемся мне этим летом. Внутри были фотографии Реджа: позирующего, занимающегося, завоевывающего титул Мистер Вселенная второй раз подряд, пожимающего руку Джо Уайдера, болтающему в клубе «Маскл-Бич» с легендарным Стивом Ривзом, предыдущим Мистером Вселенная, который также снимался в фильмах про Геркулеса.

Я не мог дождаться, когда встречу с Муи и выясню, о чем говорится в статье. Как оказалось, в ней приводилась история всей жизни Реджа – от детства, проведенного в нищете

⁴ Хефнер, Хью Морстон (р. 1926) – американский издатель, шеф-редактор журнала «Плейбой».

в английском Лидсе, до того, как он стал Мистером Вселенная, получил приглашение посетить Америку как чемпион по культуризму, отправился в Рим, чтобы исполнить роль Геркулеса, и женился на красавице из Южной Африки, где он теперь постоянно проживал, когда не тренировался в «Маскл-Бич».

Эта статья породила в моем сознании новый образ. Я могу стать новым Реджем Парком. Все мои мечты вдруг объединились и приобрели смысл. Я нашел способ попасть в Америку: культуризм! И я нашел способ попасть в кино. Вот благодаря чему обо мне узнает весь мир. Кино принесет деньги – я не сомневался в том, что Редж Парк миллионер, – и самых красивых девушек, что также было немаловажным аспектом.

В последующие недели я отточил этот образ до совершенства. Я вступаю в состязания за титул Мистер Вселенная, я побью рекорды по поднятию тяжестей, я попаду в Голливуд, я стану таким, как Редж Парк. Этот образ стал настолько отчетливым в моем сознании, что я почувствовал: все мои мечты непременно сбудутся. Альтернативы не было – или это, или ничего. Моя мать сразу же заметила, что со мной что-то случилось. Я стал возвращаться домой, широко улыбаясь. Я ответил, что напряженно занимаюсь, и мать решила, что мне доставляет радость становиться сильнее.

Однако проходили месяцы, и моя одержимость начала беспокоить мать. К весне я завесил всю стену над своей кроватью фотографиями мускулистых ребят. Это были боксеры, профессиональные борцы, тяжелоатлеты. Но в основном это были культуристы в живописных позах, в первую очередь Редж Парк и Стив Ривз. Я гордился своим «иконостасом». Все это было еще в эпоху до появления копировальных машин, поэтому я выбирал понравившиеся мне снимки в журналах и относил их в фотостудию, где их переснимали и увеличивали до размера восемь на десять дюймов. Я купил мягкую фетровую ткань и аккуратно нарезал ее на куски, которые вешал на стену с приклеенными к ним фотографиями. Смотрелось все очень неплохо, как я и хотел. Однако мать это беспокоило.

Наконец она решила прибегнуть к профессиональному совету. Как-то раз мать остановила деревенского врача, проезжавшего мимо, и пригласила его в дом. «Я хочу, чтобы вы взглянули вот на это», – сказала она и провела его наверх в мою комнату.

Я в тот момент находился в гостиной, делая уроки, но тем не менее смог услышать почти весь разговор. «Доктор, – говорила мать, – у всех остальных мальчишек, приятелей Арнольда, дома на стенах висят девушки. Плакаты, журналы, цветные фотографии девушек. А вы взгляните на это. Одни голые мужики».

– Фрау Шварценеггер, – ответил врач, – в этом нет ничего страшного. Мальчишкам всегда нужно вдохновение. Они смотрят на своих отцов, но нередко этого оказывается недостаточно, поскольку отец – он и есть отец, поэтому они смотрят также и на других мужчин. На самом деле это даже хорошо; беспокоиться не нужно.

Врач ушел, а мать вытерла слезы в глазах и сделала вид, будто ничего не случилось. С тех пор она стала говорить знакомым: «У моего сына фотографии силачей и спортсменов, и он так заводится, глядя на них, что теперь тренируется каждый день. Арнольд, похвались, какой вес ты теперь можешь поднять». Конечно, я начал пользоваться успехом у девушек, однако этим я с матерью не делился.

Однако весной мать выяснила, как все изменилось. Я как раз познакомился с одной девушкой, на два года старше меня, которая очень любила бывать на природе. «Я также обожаю природу! – воскликнул я. – На соседской ферме есть одно чудесное место, это недалеко от моего дома. Захвати палатку». Девушка пришла вечером на следующий день, и мы здорово повеселились, разбивая эту маленькую красивую палатку. Соседские ребята помогали нам вбивать в землю стойки. Палатка была крохотная, как раз на двоих, и закрывалась на «молнию». Как только ребята ушли, мы с девушкой забрались в палатку и начали целоваться. Она уже разделась до пояса, как вдруг я услышал звук открывающейся «молнии», и, обер-

нувшись, увидел, как в палатку засовывает голову моя мать. Мать устроила сцену, обозвала девушку шлюхой и потаскухой и в негодовании удалилась прочь. Бедная девушка была в ужасе; я помог ей собрать палатку, и она убежала.

Вернувшись домой, я крупно поругался с матерью. «Что это такое?! – кричал я. – То ты жалуешься врачу на мои фотографии, а теперь тебе уже не нравится, что у меня девушка. Ничего не понимаю. Так поступают все парни».

– Нет, нет, нет. Только не у меня дома!

Ей требовалось время свыкнуться с мыслью, что теперь у нее совершенно другой сын. Но я был просто взбешен. Я хотел жить своей жизнью! В ту субботу я уехал в город и все-таки наверстал упущенное с той девушкой – ее родителей не было дома.

Практические занятия являлись важной частью обучения в профессионально-техническом училище, куда я поступил осенью 1962 года. Утром мы занимались в классах, а днем расходились по городу на свои рабочие места. Это было гораздо лучше, чем просиживать в классе весь день. Мои родители знали, что я силен в математике и легко считаю в уме, поэтому они устроили меня на отделение бизнеса и торговли, вместо того чтобы готовить меня на водопроводчика или плотника.

Я проходил практику в «Майер-Штехбарт», маленьком магазине строительных материалов на Нейбайштрассе, в котором кроме меня работало еще четыре сотрудника. Владельцем был герр доктор Матшер, отошедший от дел адвокат, который неизменно приходил на работу в костюме. Управлять магазином ему помогала жена Кристина. Вначале мне поручали преимущественно физическую работу, таскать дрова или расчищать от снега тротуар. Но мне больше всего нравилось заниматься доставкой: носить тяжелые листы фанеры и поднимать их по лестнице заказчикам было лишь другой формой развития мускулатуры. Вскоре меня попросили помочь с инвентаризацией, и тут я заинтересовался, как работает магазин. Меня научили составлять заказы. Очень пригодилось то, что я узнал о счетах и накладных в школе, на уроке бухгалтерского дела.

Самым важным мастерством, которым я овладел в магазине, было искусство торговать. Главное правило заключалось в том, что покупатель ни в коем случае не должен был покинуть магазин без покупки. Если такое происходило, это говорило о том, какой ты плохой продавец. Даже если покупатель приходил лишь за одним маленьким винтиком, нужно было продать ему что-нибудь существенное. Для этого приходилось использовать самые разные подходы. Если я не могу продавать линолеум, мне придется работать полотером.

Я сошелся со вторым учеником, Францем Янцем. Наша дружба зиждилась на том, что оба мы были очарованы Америкой. Мы без конца говорили о ней и даже пытались перевести фамилию «Шварценеггер» на английский язык – в конце концов мы остановились на варианте «черный угол», хотя «черный пахарь» было бы ближе по смыслу. Я привел Франца в тренажерный зал и попытался заинтересовать его занятиями, но тщетно. Францу больше нравилось играть на гитаре; он даже выступал в «Модс», первой рок-группе в Граце.

Но Франц понимал мою одержимость спортом. Однажды он увидел, как кто-то выбросил набор гантелей. Франц приволок их домой на санках и уговорил отца очистить их от ржавчины и покрасить. После чего они с отцом принесли гантели мне домой. Я переоборудовал неотапливаемую каморку под лестницей в свой домашний тренажерный зал. Отныне я мог не пропускать тренировки и заниматься дома в те дни, когда не ходил на стадион.

В «Майер-Штехбарт» меня знали как ученика, который хочет уехать в Америку. Супруги Матшеры относились к нам с большим терпением. Они научили нас, как ладить с покупателями и друг с другом и как ставить перед собой цель. Фрау Матшер была решительно настроена исправить то, что считала пробелами в нашем образовании. В частности, она полагала, что мы в недостаточной степени умеем поддерживать беседы на отвлеченные темы, и хотела научить

нас вести себя в приличном обществе. Она усаживала нас и подолгу рассказывала об искусстве, религии, мировой политике. В награду за наши труды она угощала нас хлебом с мармеладом.

Примерно в то же время, когда фрау Матшер занялась моим культурным образованием, я впервые вкусил успех в спорте. Пивной бар может показаться не самым подходящим местом для начала спортивной карьеры, однако моя началась именно там. Это случилось в марте 1963 года в Граце, и я в возрасте пятнадцати с половиной лет впервые появился перед публикой в форме Атлетического союза: черные кроссовки, коричневые носки и черное трико с узкими лямками, спереди украшенное эмблемой союза. Мы встречались с силачами из другого клуба, и это состязание должно было стать частью развлекательной программы для трехсот или четырехсот человек – все они сидели за длинными столами, курили и чокались пивными кружками.

Я впервые выступал на публике, поэтому, выходя на помост, испытывал восторг и в то же время очень волновался. Посыпав ладони мелом, чтобы гири не выскальзывали, я с первого же раза выжал двумя руками 150 фунтов, свой обычный вес. Толпа встретила это шумными аплодисментами. Я даже не думал, какое это окажет на меня действие. Я едва дождался, когда снова наступит моя очередь. На этот раз к своему собственному изумлению я выжал 185 фунтов – на 35 фунтов больше, чем когда-либо выжимал прежде. Одни выступают на публике лучше, другие хуже. Один парень из команды-соперника, сильнее меня, обнаружил, что толпа его отвлекает, и не смог выполнить последний жим. Потом он рассказал, что не смог полностью сосредоточиться, как делал это в тренажерном зале. Для меня же все было наоборот. Публика прибавила мне сил и дала мотивацию, и включилось мое честолюбие. Я обнаружил, что перед зрителями выступаю во много раз лучше.

Глава 3

Исповедь механика-водителя танка

На военной базе неподалеку от Граца находился штаб одной из танковых дивизий австрийской армии. Я узнал это, потому что в Австрии все молодые мужчины должны были пройти военную службу, и я искал способ приспособить армию к своим личным целям. Я понимал, что человека моих габаритов разумнее отправить в пехоту и поручить ему таскать в гору тяжелые пулеметы и боеприпасы. Однако пехота располагалась в Зальцбурге, а это шло вразрез с моими планами. Я хотел остаться в Граце и продолжать занятия. Моей целью было стать чемпионом мира по культуризму, а не воевать. Впрочем, австрийская армия также не собиралась воевать. Армия у нас была только потому, что нам разрешалось ее иметь. Она была атрибутом государственного суверенитета. Но армия была маленькой, и никто не собирался привлекать ее к настоящим боевым действиям.

Я стремился пойти в армию и впервые в жизни покинуть родительский дом. Я как раз окончил училище, и чем скорее отслужил бы в армии, тем быстрее получил бы паспорт.

Меня привлекала мысль стать механиком-водителем танка. Кое-кто из моих друзей, пошедших в армию, служил в Граце, и я задал тысячу вопросов о службе на базе. Новобранцев распределяли в разные места, в том числе в штаб или на кухню, где к танку даже близко не подойдешь. Мои друзья служили в пехоте сопровождения – это специальные подразделения, которые едут в бой на броне танка, потом спрыгивают, ищут противотанковые мины и тому подобное.

Однако меня больше привлекали сами танки. Я люблю большие вещи, и танк «М-47» «Паттон» американского производства, названный в честь генерала, героя Второй мировой войны, как раз и был таким. Он имел в ширину двенадцать футов, весил пятьдесят тонн и был оснащен двигателем мощностью 800 лошадиных сил. Эта мощная машина с легкостью пробивала кирпичную стену, а те, кто находился внутри, почти ничего при этом не замечали. Меня изумляло, что такую могучую и дорогую машину могут доверить восемнадцатилетнему пареньку. Вторым большим плюсом было то, что солдат, прошедший курс подготовки механиков-водителей, также получал водительские права на управление мотоциклом, легковой, грузовой машинами, и даже трактором с прицепом. Обучение обеспечивала армия, а на гражданке это стоило бы многие тысячи шиллингов. Во всей австрийской армии было только девятьсот танков, и я хотел выделиться.

Мой отец, еще не расставшийся с мечтами увидеть меня полицейским или военным, с радостью замолвил словечко начальнику базы, своему фронтовому другу. Тот был большим поклонником спорта и с радостью принял меня под свое крыло. Он обещал, что как только я пройду курс молодого бойца, он проследит за тем, чтобы я получил все необходимое для тренировок на территории базы.

Все должно было бы сложиться идеально, если бы не один маленький просчет. К этому времени я уже начал завоевывать награды в тяжелой атлетике. Я был чемпионом земли по тяжелой атлетике среди юниоров и как раз летом победил в первенстве Австрии по силовому троеборью в тяжелом весе, одержав верх над гораздо более опытными спортсменами. И, несмотря на то что с первого взгляда было видно, что я лишь подросток-переросток, я начал успешно выступать и на соревнованиях по культуризму. Я одержал верх на первенстве земли и стал третьим на чемпионате Австрии – достаточно, чтобы подняться на пьедестал вместе с Куртом Марнулом, который по-прежнему оставался королем. Прямо перед тем, как пойти в армию, я подал заявку на участие в своих первых международных соревнованиях, молодежном аналоге борьбы за титул Мистер Европа, – что являлось следующим решающим шагом в осуществле-

нии моего плана. Но тогда я еще не догадывался о том, что в течение целых шести недель, пока будет продолжаться курс молодого бойца, я не смогу покинуть Грац.

Я ничего не имел против военной подготовки. Меня научили тому, что может быть достигнута цель, казавшаяся недостижимой вначале. Могли ли мы поверить, что сможем с полной боевой выкладкой взобраться на эту скалу? Но когда нам приказали, мы это сделали. И по пути даже набрали карманы грибами, которые вечером отдали повару, чтобы тот сварил суп.

И все же я не мог отказаться от мысли состязаться за титул Юный мистер Европа. Пользуясь каждой свободной минутой, я запирался в туалете и принимал свои тренировочные позы. Я умолял сержанта, командира учебной роты, дать мне увольнение якобы по семейным обстоятельствам, чтобы я смог съездить в немецкий город Штуттгарт и принять участие в соревнованиях. Тщетно. И вот вечером накануне начала соревнований я наконец решил послать все к черту и ушел в самоволку.

Семь часов на поезде – и я уже был в Штуттгарте, вставал в позы перед толпой в несколько сот зрителей и упивался аплодисментами. Я завоевал титул Молодого атлета Европы с лучшим телосложением 1965 года. Я впервые оказался за пределами Австрии, и это была самая многочисленная публика, перед которой я когда-либо выступал. Я чувствовал себя Кинг-Конгом.

К сожалению, когда я вернулся в учебный лагерь, меня ждало наказание. Меня отправили на гауптвахту, и целые сутки я просидел в камере. Затем до начальства дошли известия о моей победе, и меня освободили. До конца курса молодого бойца я больше не смел поднять голову, и как только обучение закончилось, сразу же поспешил в ту танковую часть, которой командовал друг моего отца. После чего армейская служба превратилась в одно непрерывное удовольствие. Я устроил себе тренажерный зал в казарме, где мне разрешали заниматься по четыре часа в день. Постепенно ко мне присоединилось еще несколько солдат и офицеров. Впервые в жизни я каждый день ел мясо – настоящие белки. Я наращивал мышцы так быстро, что каждые три месяца вырастал из формы, и мне выдавали новую, большего размера.

Сразу же начались занятия по вождению мотоцикла, а в следующем месяце к ним добавилось вождение легковой машины. Мы изучали основы механики, потому что водитель должен был сам починить свою машину в случае какой-либо поломки. Затем мы учились водить грузовики, что оказалось трудно, поскольку военные машины были оснащены ручной коробкой передач без синхронизаторов. Для того, чтобы переключить передачу, требовалось перевести рычаг на нейтралку, выжать сцепление и дать газ, разгоняя двигатель до нужного количества оборотов, чтобы ведущая шестеренка вошла в зацепление с ведомой. Это приводило к тому, что коробки передач надрывно скрежетали, поскольку после короткой тренировки на территории базы нас заставляли выезжать на оживленные дороги. До тех пор пока процесс переключения передач не становился чем-то естественным, было очень трудно следить за дорогой. Я отвлекался на рычаг передач и вдруг уже видел, как передо мной остановилась машина, и нужно было нажимать на тормоз, выжимать сцепление, снова переключать передачу, – делать все то, что кричал мне инструктор. К тому времени как мы возвращались на базу, у меня спина была мокрой от пота; это был замечательный способ сгонять лишний жир.

Следующий этап – управление трактором с прицепом – также потребовал много сил, особенно езда задом по зеркалам и разворот в обратную сторону. Мне потребовалось какое-то время, чтобы овладеть этим искусством, причем я неоднократно врезался в различные препятствия и другие машины. Я испытал огромное облегчение, когда, наконец, все это закончилось и я смог перейти к танкам.

Танк «М-47» устроен так, что управление осуществляется одной рукой, с помощью рычага, которым переключаются передачи и регулируется движение гусениц. Механик-водитель сидит в переднем левом углу корпуса, у него под ногами педали тормоза и газа. Стальное сиденье можно поднимать и опускать; в небоевой обстановке механик-водитель ведет танк,

открыв люк и высунув в него голову, чтобы видеть все вокруг. Однако когда танк наглухо задраивается перед боем, сиденье опускается, люк закрывается, и приходится смотреть в перископ. Для движения в ночных условиях имелся примитивный инфракрасный прибор, с помощью которого можно было различить деревья, кустарник и другие танки. Несмотря на свои габариты, я помещался в танке, однако управление с закрытым люком вызывало у меня чувство клаустрофобии. Я очень гордился тем, что мне доверили эту огромную машину, совершенно не похожую на все то, с чем мне приходилось иметь дело до этого.

Ближайший полигон представлял собой большую полосу земли на хребте, разделяющем Таль и Грац. Чтобы туда попасть, мы выезжали с территории базы и полтора часа двигались по петляющей пустынной дороге, вымощенной щебнем, – рота из двадцати танков, с лязгом и грохотом проезжающая мимо полей и ферм. Как правило, мы выдвигались на полигон ночью, когда гражданских машин на дороге почти не было.

Я гордился тем, как управляю танком. Это означало, что я аккуратно выполнял все маневры, плавно преодолевая рвы и ямы, чтобы командира и остальных членов экипажа не трясло в башне. В то же время со мной происходили разные другие неприятности.

Когда мы жили в полевых условиях, у нас был четкий распорядок. Сначала шли физические занятия. Штангу в разобранном виде и скамейку я укладывал в отсеки сверху танка, где обычно хранится инструмент. Трое, четверо или пятеро парней из роты присоединялись ко мне, занимались полтора часа и только после этого отправлялись завтракать. Случалось, что водителям-механикам приходилось оставаться на ночь при своих танках, в то время как остальные ребята спали в палатках. Мы устраивались на ночлег так: вырывали в земле неглубокую яму, клали в нее одеяло, а сверху загоняли танк. Это делалось для того, чтобы защититься от диких кабанов. Нам запрещалось их убивать, поэтому они свободно разгуливали по полигону, так как, подозреваю, это знали. Мы также расставляли часовых, которые забирались на танковую броню, чтобы кабаны до них не добрались.

Однажды мы разбили лагерь у ручья, и ночью я проснулся в страхе, вообразив, что слышу кабанов. И тут вдруг до меня дошло, что сверху надо мною ничего нет. Мой танк пропал! Осмотревшись по сторонам, я обнаружил его в двадцати – тридцати шагах, торчащим задом из воды. Передняя часть ушла под воду, пушка зарылась в ил. Как оказалось, я забыл поставить танк на ручной тормоз, а берег был с уклоном, достаточным, чтобы танк скатился вниз, пока мы спали. Я попытался вывести его из ручья, однако гусеницы прокручивались вхолостую в жидком иле.

Нам пришлось вызывать восьмидесятитонный тягач, и потребовалось несколько часов, чтобы вытащить мой танк из воды. После чего мы отправились в ремонтную мастерскую. Пришлось снимать башню. Пушку прочищали в оружейной мастерской. За этот проступок я просидел сутки на гауптвахте.

Неприятности подкарауливали меня даже в ангаре. Как-то утром я завел двигатель, подрегулировал сиденье и обернулся, чтобы проверить датчики, перед тем как выехать из ангара. Все показания были в норме, однако я чувствовал, что танк немного трясется, словно двигатель работал с перебоями. Я подумал: «Наверное, нужно прибавить газу, чтобы он заработал устойчивее». Поэтому я прибавил газу, следя за датчиками, однако тряска только усилилась. Это было очень странно. Тут я заметил, что в воздухе клубится пыль. Высунувшись из люка, я обнаружил, что вместо того, чтобы просто прогреть двигатель, я включил передачу, и танк наехал на стену ангара. Вот что вызывало тряску. Тут лопнула какая-то трубка, во все стороны брызнула вода, и запахло бензином.

Вокруг закричали: «Глуши! Глуши!» Я заглушил двигатель, выбрался из танка и побежал в противоположный конец ангара, ища офицера, друга своего отца. Я рассудил, что спасти меня может только он. Я встретился с ним не далее как в это утро, и он сказал: «На днях я видел твоего отца и сказал ему, как великолепно у тебя все получается».

Постучав в дверь, я вошел к нему в кабинет и сказал:

– Разрешите доложить. Кажется, по моей вине произошли кое-какие неприятности.

Офицер по-прежнему пребывал в благодушном настроении.

– О, не бери в голову, Арнольд. В чем дело?

– Ну, вам нужно посмотреть самому.

– Пошли, – сказал он.

Выходя из кабинета, он потрепал меня по плечу, словно говоря: «Ты отлично служишь».

И тут он увидел танк, уткнувшийся в стену, суетящихся вокруг него людей и хлещущую во все стороны воду.

Его настроение мгновенно переменялось: он закричал, обозвал меня всеми известными ругательствами, пригрозил, что позвонит моему отцу и скажет ему прямо противоположное тому, что говорил несколько дней назад. На шее у него вздулись жилы. Наконец, немного остыв, офицер рывкнул:

– Когда я вернусь с обеда, все должно быть исправлено. Только так ты можешь загладить свою вину. Собери команду и *сделай все как надо!*

Одним из плюсов армии является ее самодостаточность. В дивизии были свои каменщики и водопроводчики, имелся запас строительных материалов. К счастью, ничего серьезного не произошло, крыша не обвалилась, а танк, разумеется, был сделан из стали, так что с ним все было в порядке. Ребят так развеселила моя опрометчивость, что они сами пришли мне на помощь, и собирать их не пришлось. К полудню трубы были восстановлены, стена – починена, и оставалось только дожидаться, когда встанет раствор, чтобы оштукатурить ее изнутри. Я пребывал в хорошем настроении, поскольку получил возможность узнать, как месить цемент и класть шлакоблоки. Конечно, мне пришлось терпеть издевательства всей базы: «О, я слышал о твоём танке!» И еще я целую неделю провел в наряде на кухню, чистя картошку вместе с другими недотепами, где все видели нас, приходя есть.

К весне 1966 года у меня начали появляться мысли, что армия для меня не так уж и обязательна. Моя победа прошлой осенью в Штуттгарте привлекла много внимания. Альберт Бусек, один из организаторов первенства и главный редактор журнала «Спортревью», в своей статье написал, что культуризм входит в эпоху Шварценеггера. Я получил несколько предложений заняться профессиональной тренерской работой, в том числе от Рольфа Путцигера, владельца журнала «Спортревью», человека, активно продвигавшего культуризм в Германии. Путцигер предложил мне должность главного тренера в принадлежащей ему спортивной секции «Универсум» в Мюнхене. Это было очень соблазнительное предложение: я получал отличную возможность тренироваться и приобретал известность в мире культуризма. В Австрии культуризм все еще оставался младшим братом тяжелой атлетики, но в Германии он уже оформился как самостоятельная дисциплина.

В мире культуризма продолжали обсуждать мою победу в Штуттгарте. Я появился на обложках нескольких журналов, потому что это была сенсация: у этого австрийского паренька, возникшего из ниоткуда, в восемнадцать лет уже девятнадцатидюймовые бицепсы.

Я решил, что имеет смысл просить о досрочном увольнении из армии. К рапорту я приложил копию приглашения на работу Путцигера и журнальные вырезки со статьями обо мне. Мои командиры знали, что я мечтаю стать чемпионом мира по культуризму, и я рассчитывал, что никаких трудностей у меня возникнуть не должно. Однако я поспешил с надеждами. Хотя минимальный срок службы в австрийской армии составлял всего девять месяцев, механики-водители танков должны были служить три года вследствие высокой стоимости их обучения. Мне доводилось слышать о механиках-водителях, которых досрочно увольняли из армии потому, что у них в семье кто-то заболел или их руки требовались на ферме. Но я ни разу не слышал о том, чтобы кого-то уволили, предоставляя возможность осуществить свою мечту.

И нельзя сказать, что в армии мне не нравилось. Наоборот, пожалуй, это была лучшая пора в моей жизни. Армия укрепила мою уверенность в собственных силах. Как только я стал жить отдельно от своей семьи, то обнаружил, что могу полагаться только на себя. Я научился заводить дружбу с незнакомыми людьми и быть другом. Порядок и дисциплина в армии казались чем-то более естественным, чем это было дома. Выполняя приказ, я чувствовал, что чего-то добился.

За девять месяцев службы я научился тысяче разных мелочей: от того, как стирать белье и зашивать гимнастерку, до того, как жарить яичницу на решетке выхлопной трубы танка. Мне пришлось спать под открытым небом, караулить ночью казармы, и я обнаружил, что бессонная ночь еще не означает, что на следующий день ты будешь валиться с ног от усталости, а день без еды еще не означает, что ты будешь умирать с голоду. Обо всем этом я раньше даже не задумывался.

Я намеревался со временем стать лидером, но я также понимал, как важно научиться выполнять приказы. Как сказал Уинстон Черчилль, у немцев отлично получается вцепиться вам в горло или валяться под вашими ногами, и та же самая психология господствовала в австрийской армии. Того, кто давал волю своему характеру, ставили на место. В восемнадцать-девятнадцать лет человек готов усваивать такие уроки; если затянуть до тридцати, будет уже слишком поздно. Чем больше суровых испытаний взваливала на нас армия, тем сильнее крепла во мне мысль: «Ничего страшного, я выдержу, вываливайте, что там у вас еще есть». И больше всего я гордился тем, что мне в возрасте восемнадцати лет доверили пятидесяти-тонную махину, хотя я и не всегда справлялся с этой ответственностью так, как мог бы.

Мой рапорт о досрочном увольнении пролежал без движения несколько месяцев. И прежде чем он был наконец удовлетворен, я посадил еще одно пятно на своей военной карьере. В конце весны у нас состоялись двенадцатичасовые ночные учения, продолжавшиеся с шести часов вечера до шести часов утра. К двум часам ночи рота выдвинулась на позиции на вершине холма, и поступил приказ:

– Отлично, привал, всем поест. Командирам танков собраться на совещание.

Я болтал по радиации с приятелем, который только что получил танк «Паттон» новой модели – «М-60», оснащенный дизельным двигателем. Приятель опрометчиво похвастался, что его танк гораздо быстрее моего. Не сдержавшись, я предложил ему доказать это, и мы устремились вниз по склону. Я чувствовал, что нужно остановиться, – этого требовал звучащий у меня в голове голос разума, – но я побеждал. Остальные ребята в моем танке испуганно кричали мне остановиться, но я думал, что это механик-водитель второго танка пытается сбить меня с толку, чтобы одержать победу. Спустившись к подножию холма, я стал искать «М-60». И только тут заметил солдата, вцепившегося в башню нашего танка так, словно от этого зависела его жизнь. Как оказалось, он и еще двое пехотинцев сидели на броне, когда я помчался вниз. Остальные двое прыгнули или свалились, но этому единственному удалось удержаться до самого конца.

Мы зажгли фары и двинулись обратно вверх по склону – медленно, чтобы ни на кого не наехать, подбирая потерявшихся пехотинцев. К счастью, никто серьезно не пострадал. Когда мы поднялись на вершину, там нас уже ждали три офицера в джипе. Я проехал мимо них и как ни в чем не бывало поставил танк на место.

Как только я выбрался из люка, все трое офицеров разом принялись кричать на меня. Я стоял, вытянувшись в струнку, до тех пор, пока они не закончили. Когда крики наконец затихли, один офицер шагнул вперед, сверкнул на меня глазами, после чего разразился хохотом.

– Механик-водитель Шварценеггер, – приказал он, – подгоните ваш танк вот сюда.

– Слушаюсь!

Я поставил танк там, где он указал. Выбравшись из люка, я обнаружил, что стою в глубокой вязкой грязи.

– А теперь, механик-водитель Шварценеггер, я хочу, чтобы вы проползли под днищем своего танка. Когда выберетесь из-под кормы, залезете на танк, спуститесь через башню внутрь и покинете танк через аварийный люк в днище. После чего сделаете все заново.

Офицер приказал мне выполнить этот круг пятьдесят раз.

Когда через четыре часа я закончил, на мне было фунтов двадцать грязи, и я с трудом мог пошевелиться. Еще фунтов сто грязи я оставил внутри танка, пролезая через него. Когда мы вернулись на базу, мне пришлось отчищать свой танк. Тот офицер мог бы посадить меня на гауптвахту на неделю, но, должен признать, это наказание оказалось гораздо более действенным.

Я так и не узнал наверняка, но, по-моему, танковые гонки сыграли в пользу моего досрочного увольнения. Через несколько недель после этого случая меня вызвали к начальству. На столе перед командиром лежали вырезки из журналов по культуризму и письмо с приглашением на работу.

– Объясните мне вот что, – сказал он. – Вы сами вызвались служить три года механиком-водителем танка, но несколько месяцев назад попросили уволить вас летом, потому что вам предложили эту работу в Мюнхене.

Я сказал, что армия мне нравится, однако работа в Мюнхене открывает передо мной огромные перспективы.

– Что ж, – улыбнулся офицер, – так как ваше нахождение здесь, как бы это сказать, представляет определенную опасность для окружающих, мы решили удовлетворить ваш рапорт и отпустить вас досрочно. Нам не нужно, чтобы вы и дальше продолжали крушить танки.

Глава 4

Мистер Вселенная

– Я всегда смогу устроить тебя спасателем в Талерзее, так что просто имей в виду, что даже если что-то пойдет не так, ты можешь ни о чем не беспокоиться.

Так напутствовал меня Фреди Герстль, когда я зашел к нему попрощаться. Фреди всегда с готовностью помогал молодежи, и я понимал, что он говорит от чистого сердца, однако меня нисколько не интересовала работа спасателем. Хотя Мюнхен был от Граца меньше чем в двухстах милях, для меня это был первый шаг на пути из Австрии в Америку.

Я слышал рассказы о Мюнхене, о том, как каждую неделю на его железнодорожный вокзал прибывает целая тысяча поездов. Слышал я о ночной жизни, о безумной атмосфере пивных залов и тому подобном. Когда поезд стал подъезжать к городу, я увидел в окно все больше и больше домов, затем появились высокие здания, а впереди показался центр. В подсознании у меня шевелилась мысль: «Как я не заблужусь в этом огромном городе? Как я буду здесь жить?» Но в основном я повторял как заклинание: «Вот мой новый дом». Я навсегда покинул Грац, оставил его позади, и теперь моим домом должен был стать Мюнхен, что бы ни случилось.

Мюнхен переживал бум, даже по меркам западногерманского экономического чуда, к осени 1966 года достигшего апогея. Это был город с многонациональным населением в 1,2 миллиона человек. Мюнхен только что получил право принимать летние Олимпийские игры 1972 года и финал чемпионата мира по футболу 1974 года. Проведение Олимпийских игр в Мюнхене должно было стать символом перерождения Западной Германии и ее возвращения в мировое сообщество как современного демократического государства. Повсюду высились строительные краны. Уже возводился Олимпийский стадион, а также новые гостиницы, административные здания и жилые дома. По всему городу рыли тоннели нового метро, которое должно было стать самым современным и эффективным в мире.

Hauptbahnhof, центральный железнодорожный вокзал, где мне предстояло сойти с поезда, находился в самом центре всего этого. Стройкам требовались рабочие руки, и люди приезжали сюда со всего Средиземноморья и из стран Восточного блока. В залах ожидания и на платформах услышать испанскую, итальянскую, славянскую и турецкую речь можно было гораздо чаще, чем немецкую. Район вокруг вокзала представлял собой пеструю смесь гостиниц, ночных клубов, магазинов, ночлежек и административных зданий. Спортивный зал секции «Универсум», куда я был приглашен на работу, находился на Шиллерштрассе, всего в пяти минутах от станции. По обеим сторонам улицы тянулись ночные бары и стриптиз-клубы, открытые до четырех часов ночи. Затем в пять утра открывались первые закусочные, где можно было съесть сосиску и выпить кружку пива. Всегда была возможность где-нибудь посидеть. Девятнадцатилетний парень из глухой провинции быстро научился здесь жизни.

Альберт Бусек обещал, что на вокзале меня встретят двое его ребят, и я, идя по платформе, увидел улыбающееся лицо одного культуриста по имени Франц Дишингер. Франц считался фаворитом на европейском юниорском первенстве в Штутгарте, на котором я в прошлом году одержал победу. Это был симпатичный немецкий парень, ростом еще выше меня, однако его тело еще не полностью сформировалось, вследствие чего, полагаю, судьи предпочли меня. Франц любил пошутить, и мы с ним провели вместе много веселых минут. Мы договорились, что если я когда-нибудь приеду в Мюнхен, мы будем тренироваться вместе. После того как мы перекусили на вокзале, Франц и его приятель, у которого была машина, отвезли меня в пригород, где жил Рольф Путцигер.

Я впервые встретился со своим новым боссом и был очень признателен, когда он предложил мне остановиться у него, потому что я не мог позволить себе снять комнату. Путци-

гер оказался грузным пожилым мужчиной нездорового вида в костюме. Он был практически полностью лысым, а когда улыбался, обнажал гнилые зубы. Встретив меня радушно, Путцигер показал мне свою квартиру. В ней была маленькая свободная комната, в которой мне предстояло поселиться, как только доставят заказанную кровать. А пока что не возражаю ли я против того, чтобы спать на диване в гостиной? Я ответил, что не имею ничего против.

Я не придавал этому никакого значения до тех пор, пока через несколько дней Путцигер не вернулся домой поздно и вместо того, чтобы идти к себе в спальню, улегся рядом со мной. «Не удобнее ли будет перейти ко мне в спальню?» – предложил он. Я почувствовал, как он прижимается своим бедром к моему. Пулей вскочив с дивана, я сгрел свои вещи и направился к двери. У меня в голове все смешалось: во что я впутался? Среди культуристов встречались гомосексуалисты. В Граце я был знаком с одним парнем, у которого дома был потрясающий тренажерный зал, где иногда занимались мы с друзьями. Этот парень не скрывал свое влечение к мужчинам; он показал нам тот уголок городского парка, где встречались взрослые мужчины и подростки. Однако он был истинным джентльменом и никогда не навязывал нам свои сексуальные предпочтения. Поэтому я полагал, что знаю, на кого похожи гомосексуалисты. Определенно, Путцигер не был похож на гомика, он производил впечатление бизнесмена!

Путцигер догнал меня уже на улице, где я стоял, пытаясь разобраться в том, что со мной произошло, и решить, как быть дальше. Он извинился и пообещал больше не приставать ко мне, если я вернусь к нему домой. «Ты мой гость», – сказал он. Разумеется, когда мы снова оказались у него дома, Путцигер опять стал предлагать мне сделку. «Я понимаю, что ты предпочитаешь женщин, но если ты станешь моим другом, я подарю тебе машину и помогу с карьерой». И так далее в том же духе. Естественно, на данном этапе мне не помешал бы хороший наставник, но только не купленный такой ценой. Я испытал облегчение, когда на следующее утро навсегда покинул дом Путцигера.

Он не выставил меня вон, потому что звезда для секции была нужна ему еще больше, чем любовник. Культуризм оставался таким загадочным видом спорта, что во всем Мюнхене было только два тренажерных зала. Самый большой из них принадлежал Рейнхарду Смоляне, который в 1960 году стал первым Мистером Германия, а в 1963 году завоевал титул Мистер Европа. Смоляна набирал маленькие группы самой разномастной публики – полицейских, строителей, инженеров, ученых, спортсменов, предпринимателей, немцев и иностранцев, молодых и пожилых, гомосексуалистов и нормальной ориентации, – и занимался с ними лично. Я же приглашал к нам солдат с расположенной неподалеку американской базы; «Универсум» стал первым местом, где я встретил чернокожего. Большинство наших клиентов занимались только для того, чтобы поддержать форму, но у нас было небольшое ядро честолюбивых тяжелоатлетов и культуристов, в которых я видел серьезных напарников для тренировок. И я нашел, как раскачивать и заводить таких людей. «Да, ты можешь быть моим напарником, тебе нужна помощь», – шутил я. Мне нравилось вести за собой. И даже несмотря на то, что денег у меня было очень мало, я нередко угощал этих ребят обедом и ужином за свой счет.

Поскольку я уделял нашим клиентам много времени, у меня почти его не оставалось, чтобы заниматься так, как я привык, с ежедневными напряженными четырех– или пятичасовыми тренировками. Поэтому я перешел к тому, чтобы заниматься дважды в день, два часа до работы и еще два часа вечером с семи до девяти часов, когда деловая активность спадала и оставались только самые упорные. Сперва разделенные надвое тренировки меня раздражали, однако вскоре я увидел первые результаты: я лучше сосредоточивался на занятиях и быстрее восстанавливал форму, в то же время выполняя все более длинные и напряженные серии упражнений. Нередко я стал добавлять третью тренировку в обеденный перерыв. Я выделял какую-то часть тела, которую считал слабой, и полностью сосредоточивал на ней внимание на протяжении тридцати – сорока минут, выполняя, скажем, по двадцать серий упражнений для подъема икроножной мышцы или по сто растяжений трицепсов.

Иногда я занимался еще и вечером, после ужина, возвращаясь в зал еще на час в одиннадцать ночи. Засыпая вечером в своей уютной маленькой комнате, я временами чувствовал боль в той или иной мышце, измученной целым днем прыжков и наклонов, – лишь побочный эффект успешно проведенного в тренировках дня, очень приятное ощущение, ибо я знал, что эти мышечные ткани восстановятся и нарастут еще больше.

Я занимался как одержимый, поскольку знал, что меньше чем через два месяца мне предстоит соперничать с лучшими культуристами в мире. Я подал заявку на крупнейшие европейские состязания по культуризму за звание Мистер Вселенная, которые должны были состояться в Лондоне. Это был очень дерзкий шаг. Как правило, такой новичок, как я, не смел и мечтать ни о каком Лондоне. Сначала я должен был бы побороться за титул Мистер Австрия, а затем, в случае успеха, можно уже было нацелиться на титул Мистер Европа. Однако при таких темпах «подготовка» к Лондону заняла бы многие годы. Я был слишком нетерпелив для этого. Я хотел принять участие в самых жестких состязаниях из всех, какие только были, что и толкнуло меня на этот агрессивный шаг. Конечно, я не тешил себя глупыми иллюзиями. Я не собирался побеждать в Лондоне – только не в этот раз. Однако я был полон решимости выяснить, на что гожусь. Альберту эта идея понравилась, и поскольку он знал английский, он помог мне заполнить заявку.

Для таких фанатичных занятий одного напарника мне было мало. К счастью, в Мюнхене было достаточно серьезных культуристов, которых заразила моя мечта побороться за титул Мистер Вселенная, хотя они и считали, что у меня не все дома. Со мной регулярно тренировался Франц Дишингер, а также Фриц Кроэр, такой же деревенский парень, как и я, из небольшого селения в лесах Баварии. Даже Рейнхард Смоляна, владелец конкурирующего тренажерного зала, присоединился к нам. Иногда он приглашал меня потренироваться к себе в зал, а иногда после окончания работы приходил к нам. Всего через несколько недель я почувствовал, что нашел новых друзей, и Мюнхен стал мне домом.

Моим любимым напарником был Франко Колумбу, который быстро стал и моим лучшим другом. Мы с ним познакомились в Штуттгарте в прошлом году; он одержал верх в европейском чемпионате по силовому троеборью в тот же день, как я завоевал юниорский титул Мистер Европа. Франко был итальянец с Сардинии, где он вырос на ферме в крохотной горной деревушке, судя по его рассказам, еще более убогой, чем Таль. В детстве он много пас овец, а в возрасте десяти-одиннадцати лет проводил в одиночку по несколько дней на дикой природе, самостоятельно добывая пропитание и полностью обслуживая себя.

В тринадцать лет Франко пришлось бросить школу, чтобы помогать родителям на ферме, но он был очень трудолюбивым и смышленным. Он начинал как каменщик и боксер-любитель, но затем перебрался на север, в Германию, и стал зарабатывать на жизнь, работая на стройках. В Мюнхене Франко освоил немецкий язык и изучил город настолько хорошо, что получил лицензию водителя такси. В Мюнхене экзамены на право управлять такси были настолько жесткие, что их с трудом сдавали даже коренные немцы, поэтому все поразились, когда их успешно сдал итальянец.

Франко занимался силовым троеборьем, я был культуристом, и мы оба понимали, что наши занятия дополняют друг друга. Я хотел нарастить мышечную массу, что означало работу с тяжелыми гирями и гантелями, и Франко знал, как это делать. В то же время я разбирался в культуризме, и Франко тоже хотел это освоить. Он говорил мне: «Я хочу стать Мистером Вселенная». Другие над ним смеялись – в нем было всего пять футов пять дюймов роста, – однако в культуризме пропорции и симметрия могут одержать верх над одними габаритами. Мне нравились наши совместные тренировки.

Возможно, благодаря тому, что ему пришлось проводить так много времени на открытом воздухе, Франко очень быстро схватывал все новое. Так, например, ему пришла в голову моя теория «встряски для мышц». Мне всегда казалось, что самым главным препятствием

для успешных тренировок является чересчур быстрая адаптация тела. Если выполнять изо дня в день одно и то же количество упражнений, даже наращивая вес гантелей, рост мышц через какое-то время замедлится и вовсе прекратится, поскольку мышцы уже научились очень эффективно выполнять то, что от них ожидается. И для того чтобы их разбудить, снова заставить расти, необходимо встряхнуть их, дав понять: «Вы никогда не будете знать, чего вам ждать. Всякий раз это будет не то, к чему вы приготовились. Сегодня это одно, завтра совершенно другое. Сегодня это может быть работа со сверхтяжелыми гирями, завтра это уже будет увеличение количества упражнений».

Для встряски мышц мы разработали метод, который называли «раздеванием». Обычно на тренировке какое-то упражнение выполняется сначала с маленькой нагрузкой, затем нагрузка постепенно увеличивается. Однако при «раздевании» происходит обратное. Например, готовясь к выступлению в Лондоне, я хотел нарастить дельтовидные мышцы. Для этого я выполнял упражнения с гирями: в каждую руку берется по гире, руки разводятся в стороны на уровне плеча, затем поднимаются над головой. В процессе «раздевания» я начинал со своей предельной нагрузки: шесть раз со стофунтовыми гирями. Затем отставить стофунтовые гири, взять девяностофунтовые и снова выполнить упражнение шесть раз. И так далее, до самых легких гирь. К тому времени как я доходил до сорокафунтовых гирь, плечи у меня горели, и, выполняя упражнение с легкими гирями, я испытывал такое ощущение, будто работаю со стофунтовыми гигантами. Но прежде чем я отставлял гири, дельтовидные мышцы испытывали еще более сильную встряску: я поднимал сорокафунтовые гири вдоль тела, от уровня бедер до высоты плеч. После этого плечевые мышцы приходили в безумную ярость, и я уже не знал, куда положить руки: мне доставляло мучительную боль, если они просто свисали вниз, а поднять их было просто невозможно. Я мог только бессильно уронить руки на стол или на тренажер, чтобы хоть как-то унять невыносимую боль. Дельтовидные мышцы вопили благим матом от неожиданной последовательности упражнений. Я продемонстрировал им, кто в доме хозяин. И теперь им оставалось только приходиться в себя и расти.

Усиленно позанимавшись весь день, вечером я хотел отдохнуть. А в Мюнхене в 1966 году это означало пивной зал, а пивной зал означал драки. Мы с приятелями отправлялись в эти заведения, где каждый вечер люди сидели за длинными столами, смеялись, спорили, поднимали кружки. И, разумеется, пили. Постоянно вспыхивали драки, но никогда не было ничего похожего на «я убью эту сволочь!» Когда драка заканчивалась, один из противников говорил: «О, давай выпьем по кружке пива. Я могу тебя угостить?» А второй отвечал: «Да, я проиграл, так что ты по крайней мере можешь угостить меня пивом. К тому же, у меня все равно нет денег». И вот они уже пьют вместе, как ни в чем не бывало.

Собственно пиво меня не интересовало, потому что оно отрицательно сказалось бы на моих тренировках. Я редко выпивал за весь вечер больше одной кружки. Но вот подраться я обожал. Мне казалось, что каждый день я открываю в себе новые силы; я чувствовал себя огромным, могучим и неудержимым. Особенно я не раздумывал. Если кто-то косо на меня смотрел или чем-либо оскорблял, я тотчас же налетал на него. Я предпочитал шоковую терапию. Я срывал с себя рубашку, оставаясь в одной майке, и одним ударом валил противника с ног. Случалось, что бедняга, увидев мои мышцы, поспешно бормотал: «О, что за черт, почему бы нам просто не выпить пива?»

Если одиночный поединок перерастал в массовую потасовку, мы с друзьями, разумеется, поддерживали друг друга. На следующий день мы рассказывали о случившемся в тренажерном зале и смеялись: «О, ты бы видел Арнольда! Он грохнул тех двоих друг о друга головами, а потом на него набросился их приятель с кружкой, но я огрел этого козла сзади стулом...» Нам везло, поскольку когда подспевала полиция, что случалось несколько раз, нас просто отпускали. Насколько я помню, единственный раз меня забрали в полицейский участок, когда какой-то тип заявил, что потребует с меня кучу денег на вставку новых зубов. Мы так бурно спорили

о том, во что обойдутся его зубы, что полицейские испугались, как бы мы снова не начали драться. Поэтому нас забрали в участок и продержали там до тех пор, пока мы не договорились о сумме.

Еще лучше драк были девушки. Прямо напротив тренажерного зала на Шиллерштрассе находилась гостиница «Дипломат», где останавливались стюардессы. Мы с Франко, вспотевшие, в майках, высывались из окон и заигрывали с ними. «Что вы там делаете?» – кричали нам девушки. «Ну, у нас здесь тренажерный зал. Не хотите позаниматься? Поднимайтесь к нам».

Я также заходил в вестибюль гостиницы и знакомился со стюардессами, которые всегда держались маленькими группками. Чтобы произвести на них впечатление, я сочетал свои лучшие методы из Талерзее, а также из тех лет, когда я работал в магазине. «У нас напротив тренажерный зал», – говорил я, после чего похвально отзывался о внешности девушки и говорил, как ей понравится заниматься. На самом деле я считал, что очень глупо не приглашать в тренажерный зал женщин. Поэтому мы пускали их заниматься бесплатно. И мне было все равно, приходили они к нам тренироваться, или же их просто интересовали мужчины. Девушки приходили в основном по вечерам. К восьми часам наши постоянные клиенты уже расходились, но оборудование можно было использовать до девяти. В это время я вместе с напарником выполнял второй цикл упражнений. Если девушки хотели просто позаниматься, в половине девятого они принимали душ и уходили. В противном случае они оставались, и после тренировки мы отправлялись куда-нибудь вместе. Иногда к нам присоединялся Смоляна со своими девушками, и ночь получалась очень бурной.

Первые месяцы в Мюнхене я полностью отдавался веселой ночной жизни. Однако затем я осознал, что теряю сосредоточенность, и начал сдерживаться. Моей целью было не получить как можно больше наслаждения, а стать победителем мирового первенства по культуризму. Чтобы получить свои семь часов сна, я должен был в одиннадцать быть в постели. Время поведаться все равно оставалось, и мы, несмотря ни на что, веселились.

Как оказалось, мой босс представлял моим планам стать Мистером Вселенная большую угрозу, чем пьяницы из пивных, размахивающие кастетами. До начала состязаний оставалось всего несколько недель, а у меня до сих пор не было никаких известий о судьбе моей заявки на участие. В конце концов Альберт позвонил в Лондон, и организаторы ответили, что ничего от меня не получали. Тогда Альберт припер к стенке Путцигера, и тот признался, что обнаружил мою заявку в исходящей почте и выбросил ее. Он не хотел, чтобы обо мне узнали и я переехал в Англию или в Америку, прежде чем он хорошо на мне заработает. Я пропал бы, если бы не Альберт, который владел английским и был готов меня поддержать. Он снова позвонил в Лондон и уговорил организаторов принять мою заявку, хотя конечный срок подачи уже прошел. Те согласились. Бумаги пришли всего за несколько дней до начала первенства, и я был добавлен в список участников.

Остальные мюнхенские культуристы также поддержали меня. Конечно, оплатить мне дорогу в Лондон должен был бы Путцигер, поскольку если бы я добился там успеха, это привлекло бы внимание к его клубу. Однако когда стало известно о его мерзком поступке, именно Смоляна, конкурент Путцигера, пустил шляпу по кругу и собрал три сотни марок на билет. 23 сентября 1966 года я поднялся на борт самолета, вылетающего в Лондон. Мне было девятнадцать лет, и я впервые летел на самолете. Сам я думал, что мне придется ехать на поезде, поэтому мой восторг не знал границ. Я был уверен, что никто из моих одноклассников до сих пор еще ни разу не летал на самолете. Я сидел в салоне авиалайнера вместе с почтенными бизнесменами, и все благодаря культуризму.

Первые состязания за титул Мистер Вселенная состоялись на следующий год после моего рождения, в 1948 году. С тех пор они ежегодно проводились в сентябре в Лондоне. На них доминировали англоязычные участники, как и в культуризме в целом, – в первую очередь аме-

риканцы, одержавшие по восемь побед за каждые десять лет. Все великие культуристы, кумиры моей юности, завоевывали титул Мистер Вселенная: Стив Ривз, Редж Парк, Билл Перл, Джек Делинджер, Томми Сэнсом, Пол Уинтер. Я хорошо помнил, как подростком разглядывал их фотографии с состязаний. Победитель стоял на пьедестале с трофеем в руке, а все остальные стояли внизу на сцене. Я никогда не сомневался в том, что рано или поздно поднимусь на пьедестал. Все было ясно: я наперед знал, как буду выглядеть и что почувствую. Это будет рай, но только на земле; однако на победу в этом году я не рассчитывал. Я раздобыл список тех, с кем мне предстоит состязаться в любительской категории, смотрел на их фотографии и думал: «Господи!» Тела у них были гораздо лучше сформированными, чем у меня. Я намеревался попасть в первую шестерку, потому что не надеялся одержать верх над теми, кто в прошлом году занял второе, третье и четвертое места. Мне казалось, что у них более выраженная мускулатура и на их фоне я выгляжу невзрачно. Я по-прежнему находился в процессе медленного наращивания мышечной массы; задача заключалась в том, чтобы приобрести необходимые размеры, а затем стесать и обрубить все лишнее, достигая совершенства.

Состязания должны были пройти в театре «Виктория-Палас», старинном красивом здании с обилием мрамора и статуй, в нескольких кварталах от вокзала Виктория. Основные этапы неизменно следовали четким правилам. Утром проходили предварительные состязания, так называемые технические раунды. Участники и судьи собирались в зале – журналистов туда пускали, однако зрителям путь был закрыт. Целью было дать судьям возможность оценить развитие мускулатуры участников по отдельным частям тела, последовательно сравнивая каждого культуриста с остальными. Все участники выстраивались в шеренгу в дальнем конце сцены, по своим категориям (моя была «любитель высокого роста»). У каждого на трусах был приколот номер. Судья говорил: «Номер четырнадцать и номер восемь, пожалуйста, выйдите вперед и продемонстрируйте свои четырехглавые мышцы». Двое названных участников выходили на середину сцены и вставали в стандартные позы, демонстрируя четыре мышцы на передней стороне бедра, а судьи делали заметки. Впоследствии результаты технических раундов обрабатывались в общее решение. После чего, разумеется, вечером следовало грандиозное шоу финалов: состязания поз в различных категориях, а затем и противостояние победителей в каждой категории, в котором выявлялись абсолютные чемпионы среди любителей и профессионалов.

По сравнению с другими состязаниями, на которых мне приходилось бывать, первенство за титул Мистер Вселенная было крупным событием. Все билеты в «Виктория-Палас» были распроданы: больше полутора тысяч поклонников культуризма в зале, которые аплодировали и кричали, подбадривая своих любимцев, и еще десятки тех, кто оставался на улице, надеясь протиснуться внутрь. Само первенство представляло собой не столько спортивные состязания, сколько цирковое выступление. Сцена профессионально освещалась прожекторами и софитами, целый оркестр музыкантов помогал создавать нужное настроение. Двухчасовая программа включала в себя развлекательные паузы между различными турами: конкурс бикини, выступления акробатов, гимнастов, и две группы девушек в обтягивающих трико и высоких сапогах, которые расхаживали в проходах с маленькими гантельками и гириями, принимая позы.

К своему изумлению, утром во время технического раунда я обнаружил, что переоценил своих соперников. Лучшие участники в категории «любители высокого роста» действительно обладали лучше сформированной мускулатурой, однако несмотря на это я все равно выделялся среди них. Все дело в том, что далеко не все культуристы обладают физической силой, особенно те, кто в основном занимается на станках. Но несколько лет занятий с настоящими гантелями и штангами дали мне могучие бицепсы, плечи, мышцы спины и бедер. Я просто выглядел гораздо крупнее и сильнее всех остальных.

К вечеру уже распространился слух о том, что это подросток-монстр с непроизносимой фамилией, появившийся из ниоткуда, самый настоящий гигант, черт побери. Поэтому зрители

встретили наш выход восторженными криками. Я не победил, но оказался к победе гораздо ближе, чем кто-либо ожидал, в том числе и я сам. Перед последними позами состязание свелось к противостоянию меня и американца по имени Честер Йортон. Судьи предпочли Йортона, и я должен был признать, что их выбор правильный: хотя Чет и был легче меня на добрых двадцать фунтов, у него было полностью пропорциональное тело, словно высеченное резцом, и его позы были более четкими и отточенными, чем у меня. К тому же, Чет был покрыт восхитительным ровным загаром, рядом с которым я казался вылепленным из теста.

Мой восторг по поводу второго места не знал границ. Я радовался так, будто вышел победителем. Состязания привлекли ко мне повышенное внимание, и многие говорили: «В следующем году он обязательно победит». В английских журналах, посвященные культуризму, появились материалы обо мне, что имело огромное значение, поскольку мне для достижения своей цели требовалось стать известным и в Англии, и в Америке.

Однако упоение успехом продолжалось только до тех пор, пока я не успокоился и не задумался. И тут меня сразило: на пьедестал ведь поднялся Чет Йортон, а не я. Ему досталась заслуженная победа, но мне казалось, что я совершил большую ошибку. А что, если бы я приехал в Лондон с намерением победить? Выступил бы я лучше? Победил бы и стал новым Мистером Вселенная? Однако я недооценил свои шансы. И мне это не понравилось. Я получил хороший урок.

После этого я больше никогда не отправлялся на состязания, чтобы только просто принять в них участие. Я отправлялся побеждать. И хотя побеждал я не всегда, таков был мой настрой. Я превратился в самое настоящее животное. Если бы кому-либо удалось настроиться на мои мысли перед соревнованием, он услышал бы что-нибудь вроде: «Я заслужил этот пьедестал, он мне принадлежит, и море расступится передо мною. Прочь с дороги, мать вашу! У меня есть цель, и я к ней иду. Просто отойдите в сторону и дайте мне трофей!»

Я представлял себя на высоком пьедестале, с трофеем в руке. А все остальные стоят внизу. И я взираю на них сверху вниз.

Через три месяца я уже снова был в Лондоне, со смехом возился с ватагой ребятишек на ковре в гостиной. Это были дети Уага и Дианны Беннетов, которым принадлежали два тренажерных зала, занимавшие лидирующие позиции в мире культуризма Великобритании. Уаг был судьей на первенстве за титул Мистер Вселенная, и он пригласил меня потренироваться несколько недель у него, предложив остановиться в своем доме в пригороде Лондона Форест-Гейт. Несмотря на то, что у Уага и Дианны было шестеро своих детей, они взяли меня под свое крыло и стали для меня словно родителями.

Первым делом Уаг дал понять, что, по его мнению, мне нужно много работать. Первое место в его списке занимало то, как я принимал позы. Я понимал, какая огромная разница между тем, чтобы просто успешно вставать в отдельные позы, и тем, чтобы выступление превращалось в одно непрерывное зрелище. Позы – это фотографии, а непрерывное зрелище – это кино. Чтобы загипнотизировать публику, заставить ее забыть обо всем, необходимо, чтобы позы плавно перетекали одна в другую. Что нужно делать между этой позой и следующей? Как движутся руки? Какое выражение на лице? До сих пор я никогда особенно не задумывался над этим. Уаг показал мне, как замедлять движения, превращая их в балет: правильная осанка, распрямленная спина, голова поднята, а не опущена.

Это я еще мог понять, но гораздо труднее было проглотить мысль принимать позы под музыку. Уаг включал по стереопроектору драматическую тему из фильма «Исход» и подавал мне знак начинать выступление. Сперва музыка казалась мне чем-то нелепым и только отвлекала мое внимание. Но через какое-то время я понял, как подстроить свои движения под мелодию и катиться на ней как на волне – спокойный момент для сосредоточенной красивой позы в три четверти спиной, затем плавный переход к боковой позе грудью, когда

музыка нарастает, и наконец под бурные аккорды крещендо лучшая поза, демонстрирующая все мышцы.

Дианна сосредоточилась на том, чтобы кормить меня белками и совершенствовать мои манеры. Наверное, временами ей казалось, что я воспитывался в волчьей стае. Я не знал, как правильно пользоваться ножом и вилкой, не знал, что после ужина нужно помогать убирать со стола. Дианна продолжила с того места, на котором остановились мои родители, Фреды Герстль и фрау Матшер. Ругалась она на меня всего лишь несколько раз, в частности, когда однажды увидела, как я после соревнований протискиваюсь сквозь толпу зрителей. У меня в голове была только одна мысль: «Я победил, теперь нужно это отпраздновать». Но Дианна схватила меня за руку и сказала: «Арнольд, нельзя так себя вести! Эти люди пришли посмотреть на *тебя*. Они заплатили свои деньги, кое-кто приехал издалека. Ты можешь потратить несколько минут, чтобы раздать им свои автографы». И этот разнос изменил мою жизнь. До тех пор я никогда не думал о своих поклонниках – только о соперниках. Но отныне у меня всегда стало находиться время для поклонников.

Даже дети подключились к программе «Образование Арнольда». Наверное, нет лучше способа изучать английский язык, чем присоединиться к жизнерадостной счастливой лондонской семье, в которой никто не говорит по-немецки, где спишь на диване, а вокруг резвятся шестеро детишек. Они относились ко мне как к огромному щенку и с радостью учили меня новым словам.

Фотография, сделанная в тот период, показывает мою первую встречу с кумиром моего детства Реджем Парком. Редж в шортах, загорелый и расслабленный, а я в трико, бледный, оглушенный близостью к звезде. Я находился в обществе Геркулеса, трехкратного обладателя титула Мистер Вселенная, звезды, чья фотография висела у меня на стене, человека, с которого я скопировал план своей жизни. Я не мог выдать ни слова. Весь скудный английский, какой я знал, вылетел у меня из головы.

Теперь Редж жил в Йоханнесбурге, где владел сетью спортивных залов, но по несколько раз в год приезжал в Англию по делам. Он был другом семьи Беннетов и любезно согласился показать мне свои секреты. Уаг и Дианна решили, что для борьбы за титул Мистер Вселенная мне нужно получить известность в Великобритании. В те времена культуристы добивались этого, разъезжая по стране с показательными выступлениями. Организаторы устраивали такие выступления по всем Британским островам, и тот, кто соглашался, мог заработать немного денег и в то же время заявить о себе. Оказалось, что Редж Парк как раз собирается отправиться выступать в Белфаст, Северная Ирландия, и он предложил мне поехать с ним. Делать себе имя в культуризме во многом сродни политике. Нужно ездить по большим и маленьким городам, надеясь, что тебя запомнят. Этот действенный подход сработал, что, в конечном счете, помогло мне завоевать титул Мистер Вселенная.

Как-то раз я стоял за кулисами, наблюдая за тем, как Редж выступает перед толпой из нескольких сот восторженных зрителей. Закончив, он подошел к микрофону и пригласил на сцену меня. Я демонстрировал свою силу, а он комментировал мое выступление. Я поднял 275 фунтов за счет бицепсов, согнув обе руки, и пять раз выполнил становую тягу штанги весом 500 фунтов. В завершение я принял несколько поз, и публика разразилась бурными овациями. Я уже собирался уходить со сцены, но тут Редж сказал: «Арнольд, подойди сюда». Когда я подошел к нему, он показал на микрофон и сказал: «Скажи что-нибудь этим людям».

– Нет, нет, нет! – в ужасе ответил я.

– Почему?

– Я не настолько хорошо говорю по-английски, – сказал я.

– Так! – говорит Редж, поворачиваясь к микрофону. – Отлично. Давайте ему похлопаем. Человеку, не владеющему английским, требуется большое присутствие духа, чтобы сказать такую фразу.

Он начал хлопать, и толпа подхватила рукоплескания.

И тут вдруг я почувствовал: «Ого, просто поразительно! Этим людям понравилось то, что я сказал!»

Редж продолжал:

– Скажи: «Я люблю Ирландию».

– Я люблю Ирландию.

Снова аплодисменты.

Редж сказал:

– Помню, ты как-то говорил, что еще никогда не был в Белфасте и с нетерпением ждешь возможности сюда приехать. Правильно?

– Да.

– Вот и скажи: «Я с нетерпением...»

– Я с нетерпением...

– «... ждал возможности сюда приехать».

– ...ждал возможности сюда приехать.

Ого, снова аплодисменты. Каждая фраза, которую я повторял следом за Реджем, вызывала бурю оваций.

Если бы он предупредил меня накануне, что пригласит меня на сцену произнести несколько слов зрителям, я перепугался бы до смерти. Но так я смог впервые выступить с обращением к публике, не испытывая психологического давления. Я не переживал всю ночь по поводу того, как меня примут и будет ли кому-нибудь дело до того, что я скажу. Страх не было, потому что я полностью сосредоточился на своем теле. Я совершал упражнения. Я демонстрировал позы. Я видел, что зрители меня принимают. А это было лишь дополнением.

После этого я много раз внимательно следил за Реджем на сцене. Просто невероятно, как он разговаривал с публикой. Он мог веселить. Он был дружелюбным и общительным. Он рассказывал анекдоты. И при этом он был Геркулес! Он был Мистер Вселенная! Редж разбирался в вине и в еде, он говорил по-французски и по-итальянски. Его выступление было единым и цельным. Глядя на то, как Редж держит микрофон, я говорил себе: «Вот что должен делать ты. Нельзя просто выступить на сцене, словно робот, после чего уйти, не сказав ни слова. Тебя должны узнать как личность. Редж Парк говорит со зрителями. Он единственный культурист, который это делает. Вот почему его любят. Вот почему он Редж Парк».

Возвратившись в Мюнхен, я полностью сосредоточился на работе тренажерного зала. Старик Путцигер там больше почти не появлялся, что для нас с Альбертом было только к лучшему. Мы с ним отлично сработались друг с другом. Альберт заведовал всем, выполняя работу нескольких человек: он заказывал журналы, закупал пищевые добавки, доставал оборудование. Моя работа помимо собственно проведения занятий заключалась в вербовке новых клиентов. Разумеется, наша цель заключалась в том, чтобы обойти Смоляну и стать лучшим тренажерным залом в городе. Очевидным первым шагом была реклама, однако мы не очень-то могли ее себе позволить. Мы заказывали в типографии плакаты, а затем поздно вечером выходили в город и расклеивали их, в первую очередь на заборах строительных площадок, в надежде на то, что рабочие заинтересуются культуризмом.

Однако подобная стратегия не приносила ожидаемых результатов. Мы ломали головы, не понимая, в чем дело, до тех пор пока Альберт, проходя мимо одной стройплощадки при свете дня, не увидел на заборе плакат Смоляны, на том самом месте, где мы вешали свой. Как оказалось, Смоляна рассылал своих ребят по городу, чтобы те срывали наши плакаты, пока еще не высох клей, и клеили на их место свои. Тогда мы сменили тактику. Мы стали расклеивать плакаты в полночь, а в четыре ночи совершать второй обход, чтобы рабочие, приходя утром на стройку, обязательно видели сверху наш плакат. Эта война плакатов принесла свои плоды, и постепенно число тех, кто занимался у нас, начало расти.

Основной упор мы делали на то, что хотя Смоляна располагал большей площадью, мы давали своим клиентам больше духа и больше веселья. И еще мы приглашали к себе борцов. В наши дни за состязаниями профессиональных борцов наблюдает огромное количество телезрителей, однако в то время борцы переезжали из города в город, устраивая показательные встречи. В Мюнхене они выступали в «Циркус-Кроне», где была большая арена, служившая им постоянной базой. Когда там выступали борцы, зал был набит битком.

Борцам всегда требовалось место для тренировок, и они, услышав обо мне, выбрали наш зал. Я занимался с таким парнем, как Гарольд Саката с Гавайских островов, который снялся в роли злодея Оджоба в фильме 1964 года «Голдфингер» про Джеймса Бонда. Подобно многим профессиональным борцам, Гарольд начинал в тяжелой атлетике: на летних Олимпийских играх 1956 года в австралийском Мельбурне он выиграл серебро, выступая за команду Соединенных Штатов. У нас также бывали борцы из Венгрии, Франции – ребята со всего мира. Я специально для них отпирал зал во внеурочное время и наблюдал за их поединками. Они очень хотели сделать борца и из меня, но, разумеется, в моих планах это не значилось.

И все же я гордился тем, что наш тренажерный зал начинает чем-то напоминать Организацию объединенных наций, потому что я собирался во всех своих начинаниях добиться глобальных масштабов. К нам заглядывали оказавшиеся проездом в Мюнхене американские и английские культуристы, и среди американских солдат с расположенных неподалеку военных баз крепло убеждение в том, что клуб «Универсум» – лучшее место для силовых занятий.

То, что нашими услугами пользовался широкий круг известных людей, очень способствовал привлечению новых клиентов. Если кто-нибудь мне говорил: «Ну, я тут был в зале у Смоляны, так там больше тренажеров, чем у вас», я отвечал: «Совершенно верно, у них на одно помещение больше, чем у нас, тут вы абсолютно правы. Но вы задумайтесь над тем, почему все приходят именно к нам. Когда в Мюнхен приезжает американский культурист, он тренируется у нас. Когда военным нужен тренажерный зал, они обращаются к нам. Когда в город приезжают профессиональные борцы, они занимаются у нас. К нам просятся даже женщины!» Я отточил эту фразу до совершенства.

Первый успех в Лондоне укрепил мою уверенность в том, что я на правильном пути и что мои цели не являются чем-то сумасшедшим. Каждый раз, одерживая новую победу, я все больше в этом убеждался. После состязания за титул Мистер Вселенная 1966 года я завоевал еще несколько титулов, в том числе Мистер Европа. Что было гораздо важнее для моей репутации в здешних краях, во время мартовского пивного фестиваля я одержал верх на традиционных состязаниях «Лёвенбройкеллер», подняв выше всех камень весом 558 фунтов (речь идет о немецких фунтах; вес камня равен 254 килограммам, или 558 английским фунтам).

Я знал, что уже считаюсь главным фаворитом на предстоящих состязаниях Мистер Вселенная 1967 года. Однако этого мне было недостаточно – я хотел добиться полного господства. Если в предыдущий раз я поразил судей своими размерами и силой; теперь я жаждал показаться просто невероятно сильным и большим, затмив всех остальных участников.

Поэтому я со всей энергией и вниманием приступил к плану тренировок, разработанному совместно с Уагом Беннетом. На протяжении нескольких месяцев почти весь свой заработок я тратил на питание, витамины и белковые таблетки, предназначенные для наращивания мышечной массы. Фирменное блюдо при такой диете – кошмарная противоположность пива: чистые пивные дрожжи, молоко и сырые яйца. Запах и вкус у этого пойла были такими омерзительными, что когда Альберт как-то раз попробовал всего один глоток, его вырвало. Но я был убежден, что от напитка большая польза, и, возможно, это действительно было так.

Я читал все, что только мог достать, о методах тренировок восточно-германских и советских спортсменов. Ходило все больше слухов о том, что они для достижения потрясающих результатов своих тяжелоатлетов, стрелков и пловцов используют специальные препараты. Как только я догадался, что речь идет о стероидах, я отправился за ними к врачу. В те времена

не было правил, запрещающих использование анаболических стероидов, и можно было покупать их по рецепту, однако кое-кто уже обращал внимание на двоякий эффект их использования. Культуристы обсуждали стероиды не так охотно, как технику занятий с тяжестями и программу питания, и шли споры относительно того, следует ли журналам по культуризму просвещать читателей об этих препаратах или же лучше полностью игнорировать это направление.

Мне было достаточно того, что все победители крупных международных соревнований принимали стероиды, в чем я убедился, расспрашивая других участников соревнований в Лондоне. Я не собирался снова отправляться на состязания, будучи в невыгодном положении. Моим правилом всегда было проверить все лично. И хотя в то время еще не было никаких свидетельств вреда применения стероидов – исследования побочных эффектов анаболиков только начинались, – даже если бы они были, вряд ли я обратил бы на них внимание. Горнолыжники и гонщики «Формулы-1» знают, что могут погибнуть, но все равно выходят на старт. Потому что если ты не погибнешь, ты победишь. К тому же, мне было всего двадцать лет, и я был уверен в том, что никогда не умру.

Для того чтобы получить препарат, я просто обратился к местному врачу широкого профиля.

– Я слышал, такие препараты помогают нарастить мышцы, – сказал я.

– Да, это так, однако я бы ими не злоупотреблял, – ответил врач. – Препараты предназначены для того, чтобы помогать больным восстанавливаться после сложных операций.

– А вы позволите мне попробовать? – спросил я.

Врач согласился. Он прописал мне инъекции раз в две недели и таблетки в промежутке между ними.

– Будете принимать их в течение трех месяцев и прекратите в тот же день, когда завершатся соревнования, – добавил он.

Стероиды стали вызывать у меня чувство голода и жажды и помогли набрать вес, хотя в основном это стала жидкость, что было плохо, поскольку мешало четкой проработке мускулатуры. Я пришел к выводу, что использовать препарат нужно только в течение последних шести-восьми недель перед крупными соревнованиями. Они могли повысить шансы на победу, однако преимущество, которое они давали, было примерно таким же, как и от хорошего загара.

Позднее, когда я уже перестал заниматься культуризмом, применение допинга стало главной проблемой в спорте. Ребята принимали стероиды в количествах, в двадцать раз превышающих то, что принимали мы, и когда на сцену вышли гормоны роста человеческого организма, ситуация вышла из-под контроля. Участились случаи смерти культуристов. Я напряженно трудился в Международной федерации культуризма и других организациях, занимающихся борьбой с допингом.

Совокупным эффектом всех этих методик и технологий явилось то, что к сентябрю 1967 года, когда я снова поднялся на борт самолета, вылетающего в Лондон, я набрал еще десять фунтов мышц.

Вторые состязания за титул Мистер Вселенная прошли так, как я и ожидал. Моими соперниками были культуристы из Южной Африки, Индии, Великобритании, Ямайки, Тринидада и Тобаго, Мексики, Соединенных Штатов и десятка других стран. Впервые я услышал, как зрители скандируют: «Арнольд! Арнольд!» Мне еще никогда не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. Стоя на пьедестале с наградой в руках, в точности так же, как я это себе представлял, я смог сказать нужные слова по-английски, показав класс и разделив общую радость. Я сказал в микрофон: «Осуществилась заветная мечта всей моей жизни. Я очень счастлив тем, что стал Мистером Вселенная. Я повторю это еще раз, так это хорошо звучит: я очень счастлив тем, что стал Мистером Вселенная. Я благодарю всех тех, кто помогал мне здесь, в Англии. Я им очень обязан. Спасибо вам всем!»

Когда я стал Мистером Вселенная, моя жизнь круто изменилась – об этом и не смел мечтать молодой парень из австрийской глубинки. В теплую погоду культуристы набивались в наши старенькие машины и выезжали на природу, где развлекались по-гладиаторски – жарили на огне мясо, пили вино и веселились с девочками. Ночи я проводил в обществе пестрой многонациональной толпы музыкантов, владельцев баров, девушек, – одна моя подружка работала стриптизершей, другая была цыганкой. Но я отрывался по полной только когда отрывался по полной. Когда приходило время заниматься, я не пропускал ни одной тренировки. Редж Парк обещал, что если я завоюю титул Мистер Вселенная, он пригласит меня в Южную Африку на показательные выступления. Поэтому на следующий день после состязаний я отправил ему телеграмму: «Я победил. Когда мне приезжать?» Редж сдержал свое слово. Он прислал билет на самолет, и в конце 1967 года я провел три недели в Йоганнесбурге вместе с ним, его женой Мареон и их малышами Жон-Жоном и Женесс. Мы с Реджем объездили с выступлениями всю Южную Африку, побывав в том числе в Претории и Кейптауне.

До тех пор я лишь смутно представлял, что на самом деле означает успех в культуризме, кино и бизнесе. Вид счастливой семьи Реджа и его процветающего дела произвел на меня такое же впечатление, как и вид самого Реджа в роли Геркулеса. Редж вырос в рабочей семье в Лидсе; в конце пятидесятых, когда они с Мареон полюбили друг друга, он уже был звездой культуризма в Америке. Поженившись, они вернулись в Англию, однако Лидс произвел угнетающее впечатление на Мареон, поэтому они переехали в Южную Африку, где Редж основал свою сеть спортивных клубов. Его бизнес приносил хороший доход. Из дома, который Редж называл «Горой Олимп», открывался панорамный вид на город; здесь были также бассейн и сад. Дом был просторный, красивый, уютный, полный произведений искусства. Как ни любил я свою жизнь в Мюнхене, с напряженными тренировками, бурным весельем и девочками, проживание в гостях у Парков напомнило мне о том, что нужно ставить перед собой более высокие цели.

Каждый день Редж будил меня в пять утра; в половине шестого мы уже были в его тренажерном зале по адресу Керк-стрит, 42, и приступали к занятиям. Я еще никогда не вставал в такой ранний час, но теперь я ощутил преимущества тренировки рано утром, до начала дня, когда у тебя еще нет никакой ответственности и никто тебя ни о чем не просит. Редж также преподавал мне ключевой урок относительно психологических пределов. Я постепенно дошел в упражнениях с поднятием лодыжек до нагрузки в триста фунтов – больше, чем у кого-либо из известных мне культуристов. Я полагал, что уже приблизился к пределу человеческих возможностей. Поэтому я был поражен, когда увидел, как Редж выполняет поднятие лодыжек с нагрузкой в *тысячу фунтов*.

– Предел существует только у тебя в сознании, – объяснил он. – Ты рассуждай вот как: триста фунтов – это меньше, чем нагрузка при ходьбе. Твой вес двести пятьдесят фунтов, то есть, ты поднимаешь двести пятьдесят фунтов одной ногой при каждом шаге. Для того чтобы заниматься по-настоящему, необходимо преодолеть этот предел». И он оказался прав. Предел, в существовании которого я был уверен, оказался чисто психологическим. И теперь, увидев, как кто-то выполняет упражнение с нагрузкой тысяча фунтов, я сам двинулся вперед огромными скачками.

Редж продемонстрировал мне верховенство разума над телом. В тяжелой атлетике на протяжении многих лет существовал пятисотфунтовый барьер в толчке, – это было что-то вроде четырехминутного барьера в беге на милю, который пал только в 1964 году под натиском Роджера Баннистера. Однако как только великий русский штангист Василий Алексеев в 1970 году установил новый мировой рекорд, покорив штангу весом 500 фунтов, в течение года еще трое спортсменов взяли этот же вес.

То же самое я наблюдал и со своим напарником Франко Колумбу. Как-то раз много лет спустя мы по очереди приседали со штангой в клубе Голда в Калифорнии. Я выполнил шесть

приседаний с весом 500 фунтов. Хотя Франко в приседаниях со штангой был сильнее меня, он присел только четыре раза и отложил штангу. «Я очень устал», – пожаловался он. И тут я увидел двух знакомых девушек с пляжа, которые заглянули в тренажерный зал, и пошел поздороваться с ними. Вернувшись к Франко, я сказал: «Они не верят, что ты можешь присесть с пятисотфунтовой штангой». Я знал, как он любит покрасоваться, особенно перед девушками. Как и следовало ожидать, Франко восторгнулся. «Я им сейчас покажу! Смотрите!» Схватив штангу весом 500 фунтов, он выполнил десять приседаний. Это было то же самое тело, которое всего десять минут назад умирало от усталости. Вероятно, бедра Франко вопили: «Это еще что за хренотень?!» Так что же изменилось? Сознание. Спорт так сильно связан с физическим состоянием человека, что легко не заметить силу рассудка, однако мне снова и снова приходилось воочию лицезреть ее.

По возвращении в Мюнхен моей первостепенной задачей стало то, как использовать свой титул Мистер Вселенная для привлечения новых клиентов в нашу секцию. Культуризм все еще оставался таким туманным видом спорта, который все считали чем-то странным, так что даже моя победа на мировом первенстве не произвела никакого эффекта за пределами узкого круга тренажерных залов. Гораздо большую известность я снискал, подняв тяжелый камень в пивной.

Но Альберту пришла в голову замечательная мысль. Если бы мы просто обратились в газеты и предложили написать материал о том, что я завоевал титул Мистер Вселенная, нас сочли бы за чудаков. Вместо этого Альберт заставил меня в ледящий холод разгуливать по городу в одних плавках. Тогда он позвонил одному своему знакомому журналисту и сказал: «Помнишь Шварценеггера, который победил на состязаниях по поднятию камня? Так вот, теперь он стал Мистером Вселенная, а сейчас стоит на площади Штаус в одном исподнем». Редакторы двух газет сочли сюжет достаточно забавным и послали фотографов. Я провел их по всему городу, от рынка до железнодорожного вокзала, где подчеркнуто вежливо побеседовал с какими-то пожилыми дамами, показывая, что я милый и дружелюбный, а вовсе не чудовище. Политики поступают так сплошь и рядом, однако для культуриста в те времена это было нечто из ряда вон выходящее. Несмотря на холод, я веселился от души. На следующий день одна из газет опубликовала фотографию, на которой я в одних плавках проходил мимо строительной площадки, откуда на меня с изумлением взирал укутавшийся в теплую куртку рабочий.

В результате целого года напряженных усилий и вот таких трюков нам удалось увеличить число клиентов нашей секции вдвое, доведя его больше чем до трехсот, – однако речь шла о городе с миллионным населением. Альберт называл культуризм «субкультурой внутри субкультуры». Мы подолгу беседовали, выясняя, почему наш вид спорта плохо известен. В конце концов, мы решили, что ответ кроется в образе мышления большинства культуристов: это отшельники, жаждущие скрыться за достижениями своих мышц. Поэтому они все делают тайком, тренируются в подвалах и выходят на свет только тогда, когда их мышцы начинают придавать им уверенности. В истории оставили свой след знаменитые силачи, такие как уроженец Пруссии Эйген Сандов, которого часто называют отцом современного культуризма, и Алоис Свобода, однако они жили еще в начале двадцатого века, и с тех пор никого похожего на них больше не было. Среди современных культуристов не было ни одной харизматической личности, чтобы заразить любовью к этому виду спорта.

И удручающим подтверждением тому были состязания в Мюнхене. В отличие от выступлений прежних силачей, они проводились не в пивных. Их устраивали в тренажерных залах, среди голых стен, с несколькими десятками стульев на голом полу, или в аудиториях на голой сцене. И это был Мюнхен, многолюдный город, полный жизни и развлечений! Единственным исключением стали состязания за титул Мистер Германия, которые проводились ежегодно в «Бюргербройкеллер», просторной пивной, где собирались в основном рабочие.

Нам с Альбертом пришла в голову мысль провести состязания по культуризму на широкую ногу. Собрав небольшую сумму, мы выкупили право на проведение первенства за титул Мистер Европа 1968 года. Затем мы отправились к владельцам «Швабингербой», изящного пивного зала в престижном районе, и спросили: «Как насчет того, чтобы провести здесь состязание культуристов?»

Необычный выбор места помог нам привлечь внимание к событию, и мы собрали больше тысячи зрителей, по сравнению с несколькими сотнями в прошлом году. Разумеется, мы пригласили прессу и позаботились о том, чтобы журналисты понимали, что видят, чтобы у них получились хорошие материалы.

Наше предприятие могло бы завершиться провалом. Возможно, нам не удалось бы продать достаточно билетов, или кто-нибудь устроил бы дебош, выскочив на сцену и треснув Мистера Европа по голове пивной кружкой. Но вместо этого мы наполнили зал восторженными, кричащими зрителями, которые выглядели особенно живыми на фоне обычных посетителей, которые просто сидели за столами, чокаясь кружками. Энергия этого состязания установила новый стандарт в германском культуризме.

Состоявшиеся в тот год состязания за титул Мистер Европа оказали особенно сильное воздействие на культуристов из Восточной Европы, поскольку совпали с советским вторжением в Чехословакию. 21 августа, меньше чем за месяц до начала соревнований, русские танки сокрушили демократические реформы, зародившиеся в начале 1968 года в ходе так называемой «Пражской весны». Узнав об этом, мы связались со знакомыми чехословацкими культуристами, после чего забирали их на границе на своих машинах. В том году чехи были необычайно широко представлены на первенстве Мистер Европа, поскольку использовали его как возможность бежать из страны. Из Мюнхена они, как правило, отправлялись в Канаду или Соединенные Штаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.